

Придется приспосабливаться к новым правилам игры (С. 8)

Лучшее, что может сделать государство, это не мешать (С. 4)

ACECTAH

№2 (113) ФЕВРАЛЬ 2015

Она в свои 15 лет была «враг народа» (С. 12)

В 17 лет – мюрид Шамиля, в 30 – наиб в Черкесии (С. 17)

Поликлиника в «дагестанском Эрмитаже» (С. 24)

> Место отдохновения великого императора (С. 27)

Оздоев, Бетховен и Бессмертная Возлюбленная (С. 32)

Колонка редактора

По роду своей деятельности я часто встречался с разными людьми. Недавно случайно оказался в гостях у одного из амбициозных дагестанских политиков, который в перспективе не исключает, что он может стать даже Главой республики. Я не был с ним в приятельских отношениях, и сейчас у нас чисто формальные отношения. Человек с властными амбициями может быть и неплохим руководителем республики. Может быть и хуже всех предыдущих – мы ведь не можем предугадать их намерения и умение управлять. Я внимательно смотрел на этого человека, взгляд был трезвый, простите что так, но оценивающий – я старательно скрывал свой интерес к собеседнику.

Кто же перед нами? Перед нами человек средних лет, с огромным политическим опытом, железными нервами, твердым характером и сильным духом. Объективности ради отрицать эти его положительные качества невозможно. Но в то утро напротив меня сидел не тот человек, которого я привык видеть на телеэкране или на страницах газет и журналов. Он отличался – не выспавшееся лицо, впалые глаза, во всей внешности отпечаток душевного беспокойства и внутренней тревоги. Наша встреча не являлась какой-либо тайной, она носила свободный и непринужденный характер, мы так и знакомились. У нашего героя состояние на несколько поколений, миллиарды на счетах, недвижимость за рубежом, но я более чем уверен, что нет у него нормальной, спокойной жизни. После двухчасовой беседы и чаепития он провел меня до порога. Не может он позволить себе такую роскошь, как выйти с гостем и пройтись по улице – мало ли, время ведь не спокойное.

Я шел по безлюдному переулку пешком. На улице, хоть и зима, была солнечная погода, легкий ветерок и приятная прохлада. Я отправился к морю, целый день гулял на свежем воздухе, слушал аудиокнигу Бориса Акунина «История Российского Государства. От истоков до монгольского нашествия».

Когда я поднялся с моря на Родопский бульвар, встретил девушку, знакомую со студенческих лет. Оба были очень рады столь неожиданной встрече, нас охватила ностальгия, вспомнили неспокойные 90-е, студенческие годы нашей молодости и пошли на ужин в кафе в приморском парке. Она по-прежнему мила – годы, конечно, изменили ее лицо, но сохранился тот же взгляд живых, как говорил классик, «бархатных глаз» и до боли знакомый заразительный смех. Поужинав в приятной обстановке, я проводил знакомую до такси, а сам, оставив свою машину на работе перед редакцией, отправился домой пешком.

По пути домой все не отпускали думы о моем утреннем собеседнике, который вряд ли может себе позволить эту радость – прогулки по вечернему парку. Глубоко несчастный человек, он подобен тому, чьи ноги привязаны к педалям велосипеда, и чтобы удержаться в седле, он вынужден их все время крутить. Вечный страх за себя, родных и близких преследует его всю жизнь; а что будет после жизни ... – об этом даже и подумать страшно. Это уже другая история.

Вот до чего доводит человека незнание меры. От мучительной, ненасытной жизни на земле, он направляется в многократно худшую для него – в загробную жизнь. Там, как известно, вершит суд Божий, «звону злата он не доступен» и воздает всем по заслугам. Тут – мгновение, а там – вечность! Слышал, что есть хадис пророка, за точность не ручаюсь, но смысл именно такой: «Когда раб переходит черту дозволенного и не думает о своих деяниях, Всевышний ставит печать на его глаза, на уши и на сердце». Чтобы наказать на том свете сполна за все деяния тут.

Пусть Аллах убережет нас от греховного и даст прозрение и разум, чтобы вернуться на путь истины. Возможно, мои собеседники в политике воспримут эту статью каждый в свой адрес. В этом они будут в равной степени правы и не правы, ибо встреч у меня было много, и разных. И собеседники мои мало чем отличались друг от друга, каждый – дитя своего времени, со всеми достоинствами и пороками.

Магомед Бисавалиев

ДАГЕСТАН

№2 (113) февраль 2015 г.

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ Министерство печати и информации РД

> ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Магомед БИСАВАЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).

Телефоны:

67-02-03 (главный редактор) 67-02-08 (отделы) http://journaldag.ru E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ: Получатель: ИНН: 0562053040 КПП 057201001 УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490) Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН БАНКА РОССИИ г. Махачкала P/C 40601810100001000001, БИК 048209001 Назначение платежа: 13500000000000000130 (л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии 000 «Издательство «Лотос».

Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 7,5. Тираж – 1500 экз. Номер заказа –

Подписной индекс на год - 63280, на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей – свободная.

Содержание номера:

Наида Хаспулатова

Пик инфляции будет летом

Андрей Меламедов

Ожидание на фоне кризиса

Светлана Анохина

Написанному верить

C. 12

Амирхан Магомеддадаев

Магомед-Амин Асиялав

C. 17

Эдуард Эмиров

Последний из могикан С. 20

Муса Мусаев

Суета вокруг «Дома Ахундова»

C. 24

Муса Мусаев

Сенсационная находка в Дербенте

C. 27

Влада Бесараб

Балет о любви и свободе

C. 32

Магомед-Расул

«Анна Герман»

C. 36

Саид Ниналалов

Из жизни аула мастеров

C. 40

Магомед Ахмедов

Осени дыханье

C. 46

Жемилат Ибрагимова

Брак по просчету

C. 50

Афанасий Мамедов

Пока идет дождь

C. 54

Сулиман Мусаев

Вахид

C. 58

Наида Хаспулатова

ПИК ИНФЛЯЦИИ БУДЕТ ЛЕТОМ

Е не могли, в какой ситуации окажется Россия. В этой статье речь пойдет исключительно о дагестанском бюджете. Что будет с экономикой самого бедного региона России в условиях галопирующей инфляции, падения цен на нефть, санкций? Уменьшится или увеличится помощь федерального центра в такой ситуации, вырастут ли собственные доходы республики, – обо всем этом мы решили узнать у Назима Апаева. Назим Мирзаханович 16 лет возглавлял Федеральную налоговую службу по РД. В 2011 был избран депутатом Народного

Собрания РД, председателем Комитета по бюджету, финансам и налогам. Так что о дагестанском бюджете он знает всё.

– Бюджет 2015 года уменьшился на 2,5 миллиарда рублей. С чем это связано? Уменьшились трансферты из Москвы или собственные доходы?

– Более 70% дагестанского бюджета составляют трансферты из федерально-

го бюджета. В условиях кризиса российской экономики федеральную помощь нам срезали. На эти 2,5 миллиарда – с 6,5 до 4 миллиардов рублей уменьшена инвестиционная программа. Но низкие цифры бюджета – это наша страховка. Обычно по результатам года бюджет увеличивается на 15-20%. Федеральный центр дает дополнительные дотации, субсидии. Например, за последние два года было построено 27 детсадов. Их изначально в бюджете не было, но в ходе исполнения бюджета средства на них получили, почти два миллиарда вне бюджета получили на строительство перинатального центра в Махачкале, в этом году на его завершение запланирован 1 миллиард 200 миллионов рублей.

Что будет в следующем году, не знаю. Министр финансов Силуанов потребовал сократить все региональные бюджеты на 10%, но вчера Президент России пообещал выделить регионам 320 миллиардов из Фонда национального благосостояния.

Поэтому я надеюсь, что в итоге бюджет будет больше.

- Вы сказали, что инвестиционная программа срезана на 2,5 миллиарда. Какие именно госпрограммы и соцобъекты попадут под сокращение? И по какому принципу выбираются финансируемые объекты?
- В этом году в инвестиционную программу попали только 11 муниципалитетов денег не хватает. Новых зданий не будет, только завершение старых это принципиальная позиция. Лично я, как депутат от Дербента три года просил о строительстве 15-й школы, которая сгорела шесть лет назад, но на неё давали копей-

ки. В этом году СКФО полпред Сергей Меликов поставил этот вопрос перед руководством Дагестана, и наконец будет выделено 130 миллионов на завершение этой школы. 10 миллионов дадут на Самурскую школу. Почти на миллиард рублей внесли

поправки в Инвестиционную программу депутаты Народного Собрания, выполняя наказы избирателей.

С субсидиями по линии сельского хозяйства пока не ясно. Обычно выделяются деньги по госпрограммам на условиях софинансирования. Мы участвуем во всех возможных программах. Но если нет сигнала из федерального центра, мы ничего планировать не можем. Все республиканские программы, к сожалению, закрыты из-за недостатка финансирования.

- Дагестан и так был на последних позициях в России по уровню жизни, по зарплате бюджетников. Сейчас, когда бюджет уменьшился, а инфляция огромная, станут ли дагестанцы еще беднее?
- Официально в России инфляция за 2014 год составила 11,4%, но, когда идешь

в магазин, видишь, что реально цены выросли раза в полтора. Судя по всему, пик инфляции будет летом. Согласно майским указам Президента РФ, работники бюджетных учреждений должны получать зарплату не ниже средней по региону. В дагестанском бюджете запланированы средства на это. Мы в 2014-м сократили инвестиционную составляющую бюджета республики на 4 миллиарда, но при этом увеличили статью на зарплату бюджетникам на 2,2 миллиарда, пришлось даже взять 3-миллиардный кредит Сбербанка на эту статью.

– В таких условиях особенно важны собственные доходы бюджета. Почему

не выполнены, по-Вашему, налоговые назначения прошлого года? И есть ли шанс их выполнить в этом году?

– Я не считаю налоговые назначения завышенными, но есть объективные причины, которые влияют на выполнение. Есть указ

Президента России о запрещении устанавливать налоговикам задание. Потому что, если с налоговиков будут жестко требовать его выполнения, они начнут «душить» предпринимателей. А мы, наоборот, должны помогать бизнесменам и предприятиям, чтобы они свои средства направляли на расширение бизнеса. Лейтмотивом недавнего совещания Владимира Путина с главами регионов было установление налоговых каникул малому и среднему бизнесу, чтобы их не трогали в течение двух-трех лет. Государству выгоднее потерять в налогах, чем содержать армию безработных.

Когда мы составляем проект бюджета, мы всё анализируем, но в реальности может сложиться совсем по-другому. По прошлому году есть три крупных источника невыполнения объемов собственных

доходов республики. Налог на прибыль хронически не выполняется из-за федерального закона о консолидированных группах налогоплательщиков. Федеральный центр замкнул на себя всех крупных налогоплательщиков. В Дагестане такие богатые структуры, как РусГидро или Газпром, платят деньги в федеральный бюд-

жет, в республике же остаются только копейки, хотя доходы они извлекают в нашей республике.

Вторая причина – акцизы на ГСМ. Они начисляются по сложной схеме, и их объем определяет Минфин России. Дагестан-

ские налоговики никак на это повлиять не могут. И третья причина – в бюджет прошлого года была заложена продажа газовых сетей Газпрому, но продать не смогли из-за проблем с документацией. Вот поэтому наши доходы и оказались меньше, чем было заложено в бюджете.

Но рассчитывать что-то трудно. Мы, когда составляем бюджет, надеемся, что будет хорошая конъюнктура, экономика будет развиваться, а в итоге все оказывается не так. В прошлом году получили 25 миллионов рублей – арендную плату за 700 тысяч га отгонных земель. С 1 января 2015 года кадастровая стоимость земли поселений увеличилась в 2-5 раз, а ставка налога увеличилась только на 40%, потому что на это нужно время, должны подготовиться и госструктуры, и налогоплательщики. Любой налоговый законопроект вступает в силу только со следующего года. Это правильно для экономики. Особенно, когда экономическая ситуация ухудшается, а налоги растут. Хотя, может, для государства это не очень выгодно. Я считаю, что собственник свои деньги будет расходовать намного эффективней, чем государство через бюджет. Сейчас Президент

Путин выдвинул тезис, что неэффективное расходование бюджетных средств приравнивается к преступлению. Он приводит примеры, почему та же дорога в соседних областях с одинаковым рельефом и климатом может различаться по стоимости в пять раз. Потому что высока коррупционная составляющая, много воруют.

Вот в Дагестане та же ситуация. Мы строим в горных районах школы, ФАПы по числу прописанных там людей, а реального населения там все меньше – все, особенно молодежь, переезжают в города. Но при этом в горном ауле

строят типовую трехэтажную школу, а детей в ней почти нет. Поэтому надо провести реальную инвентаризацию, насколько велика потребность в новых социальных объектах в горных районах. Например, построили мост за 300 миллионов рублей в село Самур Магарамкентского района, которое находится на отшибе. Они и не просили – там был маленький мост, который можно было просто отремонтировать. Зачем? Вот это и есть неэффективное использование. Да просто выгодно строить так, чтобы воровать. А множество необходимых людям объектов не строится.

- Приоритетный проект «обеление экономики» не обеспечил задачу повышения уровня налогообложения ВРП до планки СКФО, в 2015 году уровень налогообложения ВРП в бюджете заложен еще в меньших размерах. Означает ли это, что исполнители приоритетного проекта не справились с поставленными задачами?
- Работа, которая проводится в рамках данного проекта, необходима. Но эффект будет не сразу. Сейчас занимаются, допустим, постановкой на учет объектов недвижимости. В Махачкале 30 тысяч

частных домов не поставлены на учет, куча торговых и производственных помещений. А хозяева не спешат становиться на учет, потому что это потребует значительный расходов – нужно будет платить взятки чиновникам. Чего ради, чтобы завтра платить налоги? Ничего в муниципалитетах в этой ситуации не меняется. Сейчас

дагестанское министерство экономики установило задание всем муниципалитетам выдавать определенное количество зеленок каждый год. Это нужно делать, но эффект даст через ТОЛЬКО несколько лет.

– В Послании Главы Дагестана говорится о продолжении курса на ускоренное развитие. Насколько это реально? И смогла ли дагестанская экономика воспользоваться российским курсом на импортозамещение, объявленным из-за западных санкций?

– Это сложно. В первую очередь, это импортозамещение нужно в сельском хозяйстве. Объективно условия для того, чтобы заинтересовать сельхозпроизводителя выращивать продукцию, должны появиться. Наши фрукты и овощи объективно вкуснее привозных, но сейчас плохо с логистикой, нет овощехранилищ, соглашений с торговыми центрами. Сейчас потихоньку АПК возрождается, но реальная отдача будет нескоро. Немного лучше обстоят дела в оборонном комплексе. У КЭМЗа так много оборонных заказов, что они открыли филиал в Каспийске, выкупив несколько цехов пустующего Завода точной механики, заказы получили «Дагдизель» и завод имени Гаджиева.

Наш народ все сможет, главное, чтобы не мешали – если бы еще поменьше было воровства. Человек хочет что-то постро-

ить, а с него требуют взятки за разрешение на строительство, на подключение к коммуникациям и т.д. Поэтому многие сбегают из Дагестана и вполне успешно себя реализуют в других регионах и странах. Почему у нас это невозможно? Если у бизнесмена пошел успешный бизнес, все госчиновники хотят сесть на его шею.

- Как Вы считаете, в Дагестане теневой экономики за последние двадцать лет стало больше или меньше?
- Сколькобыло, столь-ко и осталосьпример-но половина

экономики Дагестана, точно подсчитать невозможно. Должно было становиться меньше, но, к сожалению, не становится. Потому что не создаются экономические условия, чтобы предпринимателям было выгодно показывать реальные доходы и зарплату. Мы в свое время добились, чтобы официальная зарплата в частном секторе поднялась с двух до десяти тысяч. А сейчас много ошибочных решений. Когда подняли социальный налог на малый бизнес, 4 тысячи человек в нашей республике за год закрыли свои предприятия. Сейчас начали эти отчисления уменьшать, но восстановить это очень тяжело и долго. С транспортным налогом очень странно. Сейчас у всех одна ставка, а должна быть дифференциация. Владельцы роскошных иномарок должны платить больше, чем, например, таксист, для которого машина - единственный шанс прокормить семью.

Очень плохо то, что инфляция набирает обороты. Инфляция, как сказал ещё Маркс, – это косвенный налог, который бьет, в первую очередь, по бедным. Богатый её почти не почувствует, а бедному придется экономить на продуктах и лекарствах.

Андрей Меламедов

ОЖИДАНИЕ НА ФОНЕ КРИЗИСА

Во всем мире строительная отрасль является индикатором экономики. Все вполне объяснимо – чем лучше экономическая ситуация в стране, тем больше денежная масса на руках у населения. А значит, неизбежно начинают расти объемы самых надежных вкладов – вкладов в недвижимость. Проще говоря, люди активно покупают дома и квартиры, что в свою очередь инициирует бурное развитие строительной отрасли.

Объективен и обратный процесс – в пору экономических кризисов на фоне

нестабильности рынка труда и неясных перспектив на будущее у большей части населения первой начинает сворачиваться именно строительная индустрия. Какие, к чертям, квартиры, когда закрываются фирмы и конторы, ширятся ряды безработных, а стремительно растущие цены начинают съедать сбережения прошлых лет.

О том, что сегодня происходит в строительной отрасли Дагестана на фоне разгорающегося в стране экономического кризиса, наш корреспон-

дент побеседовал с руководителем ЗАО «М-Строй» Магомедом Магомедовым.

- Магомед, когда дагестанские строители почувствовали первое «дуновение» кризиса?
- Наверное, уже в начале осени, что, признаюсь, меня несколько удивило. Дело в том, что раньше в Дагестане эти процессы происходили с некоторой отсрочкой. К примеру, кризис 2008 года добрался до нас только спустя пару лет примерно в 2010 году, когда вдруг резко упал спрос на жилье в республике. Видимо, все дело в том, что предыдущий кризис не был таким серьезным и масштабным. Но, тем не менее, на строительной отрасли он отразился очень ощутимо.

В первую очередь в республике резко упал спрос на качественное, комфортное жилье, построенное с применением современных техно-

логий. Так что отрасли пришлось выживать за счет строительства дешевых, доступных квартир (на фоне тотального дефицита жилья, особенно в Дагестане с его высокими демографическими показателями, спрос на них существует практически всегда). Многие застройщики начали покупать дешевые участки на окраинах, в том числе в частном секторе. Наиболее характерный пример – группа застройщиков Семендера, возводящая многоквартирные дома низкой комфортности для самых малообеспеченных слоев населения. Раскупали их квартиры достаточно активно, поскольку стоимость квадратного метра жилья здесь составляла примерно 15 тысяч рублей. Естественно, все это неминуемо отражалось на качестве строительства, поскольку

им приходилось экономить буквально на всем.

- В Дагестане, как известно, качество жилья это не только комфорт проживания, но и гарантия того, что дом выстоит во время землетрясения. Насколько уязвимы в этом плане «бюджетные» дома последних лет?
- Естественно, здания эти в плане безопасности оставляют желать лучшего. Я, к примеру, никогда бы квартиру в таком доме не купил. Но предложение всегда определяется спросом, и только спросом. Возник спрос на жилье низкого качества, и сразу же появилось предложение. При этом и покупатели, и продавцы о возможных рисках не очень задумывались, что вполне объяснимо возможности купить квартиру повышенной комфортности у людей попро-

сту не было, ну а построить дешевый и при этом качественный дом невозможно. В итоге 2010-2013 годы стали в Дагестане годами «дешевого жилья».

Ситуация начала выправляться в 2014 году с появлением устойчивого платежеспособного спроса на дома повышенной комфортности. Тут, в первую очередь, сказалось значительное повышение зарплат военным, сотрудникам полиции, отдельным категориям учителей и врачей. Поскольку все эти зарплаты – это зарплаты «белого» сектора экономики, у людей появилась возможность брать ипотечные кредиты, количество которых значительно возросло.

Отрасль живо отреагировала на появившийся спрос, и строительный рынок начал оживать теперь уже за счет сектора домов повышенной комфортности. Правда, продлилось это недолго, как я уже говорил, уже в начале осени рост сменился стагнацией. Ну а потом наступил полный застой.

- Многие знакомые застройщики с начала этого года перестали продавать квартиры в готовых домах. Это единичные случаи или общая тенденция?
- Общая тенденция. Я, к примеру, прекратил все продажи уже в конце прошлого года. Еще раньше на кризис среагировали в других регионах России там продажу квартир заморозили к середине осени. Сегодня квартиры в

новостройках продают только те застройщики, которые взяли кредиты под свои программы. И чтобы эти кредиты вернуть, им приходится продавать. При этом они прекрасно понимают, что торгуют себе в убыток, но другого выхода у них нет. Самое интересное, что все это происходит на фоне ажиотажного спроса, – люди пытаются спасти свои сбережения и готовы активно вкладываться в недвижимость.

Ситуация вроде парадоксальная (спрос не инициирует предложение), но на самом деле все просто. Объясню на своем примере: даже если я сегодня и продам все квартиры, строить новый дом я пока не решусь. В итоге инфляция со временем «съест» все деньги, и я останусь ни с чем. Недвижимость нынче намного надежнее рубля, поэтому лучше переждать.

- А почему не начать строить новый дом, заложив более высокие цены на квадратный метр?
- В том-то и дело, что сегодня никто не знает, какие цены будут на рынке завтра. Смотрите, еще летом я покупал кирпич-буханку по 10-11 рублей, сегодня он уже стоит18-20. Цена на металл выросла с 27 до 42 тысяч рублей за тонну. И так практически по всем позициям. Добавьте к этому следующее обстоятельство с дагестанского строительного рынка полностью ушли работники из Азербайджана, которые занимали очень серьезную нишу. Причины чисто

экономические: еще летом они могли обменять тысячу рублей на 20 манат. Сегодня же больше 12 манат за эти деньги не получишь. И в итоге оказалось, что в нынешних условиях им выгоднее работать на родине.

И еще. Сегодня никто не может предсказать, сколько будет стоить рубль через месяц, через два. Через полгода, наконец. В таких условиях начинать новую стройку за счет средств дольщиков достаточно рискованно – построишь половину дома, а деньги кончатся. И что тогда делать? Подаваться в бега?

Кроме того, сегодня неясно какую антикризисную программу примет российское правительство. Бизнес (и не только строительный) напряженно ждет малейшей информации об этом, ведь эта программа на долгие годы определит новые правила игры, к которым нам придется приспосабливаться.

– Вы всерьез надеетесь на то, что антикризисная программа поможет бизнесу выжить?

– Вы знаете, надеюсь. Основания у меня при этом такие: во многих странах именно строительная отрасль стала локомотивом, вытянувшим экономику из кризиса. Схемы при этом применялись простые: в эпоху кризиса государство значительно (вдвое, втрое) снижало ипотечный кредит, побуждая людей вкладывать деньги в недвижимость. Делалось это во-

все не из альтруизма, руководители этих стран прекрасно понимали, что на строительстве завязано сразу множество отраслей, начиная с производства металла и стройматериалов и заканчивая транспортом. Активизировав этот рынок, страны сохраняли рабочие места, предупреждали возможный рост безработицы, привлекали в банковскую сферу средства, хранящиеся в «кубышках».

В кризис 2008 года по этому пути пошел Китай, переориентировавший экономику на внутренний рынок. При этом ипотечные кредиты давались здесь практически под нулевой процент. В итоге на фоне общего кризиса эта страна продемонстрировала рост экономических показателей, решив заодно множество социальных задач.

Есть и другие пути поддержки строительной сферы. Ипотека — это американский путь финансирования строительства, но ведь имеется опыт других стран, в частности, Германии, Англии, который «работает» уже 200 лет. Здесь отрасль финансируется за счет строительных сберегательных касс (ССК). Схема такая: будущие дольщики создают общую кассу, в которую начинают перечислять деньги. Государство в свою очередь на каждый вложенный рубль вкладывает в кассу от 20 до 30 копеек из фонда поддержки строительной отрасли. Как только люди собирают половину суммы, необходимой для

строительства дома (обычно на это уходит 5-6 лет), ССК выделяет им вторую половину средств – в виде кредита под низкий процент.

По этому пути сегодня пошли Чехия, Словакия, Венгрия, Казахстан. Так вот темпы строительства в этих странах сразу возросли многократно. В России недавно тоже заинтересовались этим опытом и запустили несколько пилотных проектов в Башкирии и Краснодарском крае. Это предложение только на первый взгляд кажется фантастичным – чем просто проедать средства Фонда национального благосостояния, намного разумнее заставить эти деньги работать. Кстати, рассказывая об антикризисных планах правительства, Путин сказал, что планируется точечная поддержка отраслей,

способных стать точками роста. Ну а строительство – это как раз такая отрасль. Поддержать строителей могут и регионы, даже не очень богатые.

– Интересно, за счет каких средств? Бюджет 2015 года в Дагестане и без того очень напряженный, а кроме того имеется большая вероятность, что в связи с кризисом он будет урезан еще процентов на десять.

– Я не имел в виду меры финансовой поддержки. Понятно, что денег на поддержку отраслей никто в регионах выделять не будет. Но ведь есть и другие пути, другие механизмы. Смотрите, в своем недавнем послании Глава республики Рамазан Абдулатипов сообщил о том, что для молодых семей будет выделен участок с инфраструктурой под строительство жилья в районе Тюбе.

Если не ошибаюсь, речь идет о 200 гектарах земли. На этом участке, конечно, можно построить индивидуальные дома. Это одна арифметика. С учетом прокладки дорог, строительства необходимых социальных объектов мы в итоге обеспечим жильем примерно три тысячи молодых семей. Но ведь имеется возможность увеличить эту цифру в разы, застроив этот участок комфортными трехэтажными домами с мансардами.

При этом замечу, что стоимость квартир в них будет раза в полтора ниже, чем в высотных домах при том же уровне комфортности и надежности. Кроме того, строительство таких домов в связи с маленькими сроками строительства (2-3 месяца) можно осуществлять и на фоне инфляционных процессов. Дело за малым – разработать современный проект и объявить конкурс, в котором, уверяю вас, примут участие лучшие застройщики республики. И в итоге за год на пустыре вырастет новый комфортный поселок. Это не только инициирует развитие строительной отрасли, но и позволит создать множество новых рабочих мест, снизить социальную напряженность. А теперь представьте, что в Дагестане под подобные программы будет выделен не один участок, а три, пять. Сегодня правительство России призывает руководителей регионов находить новые резервы роста. Вот вам как раз такой резерв.

Ну а пока нам, как я уже сказал, приходится ждать и надеяться, что у нашего правительства хватит мужества для принятия поистине революционных решений, без которых нынешний кризис преодолеть невозможно. Надежды на это есть – впервые на моей памяти руководители страны объявили о скором снижении налогов для малого бизнеса.

– Магомед, а что будет происходить в строительстве на фоне этого ожидания? И как это отразится на стоимости жилья?

- Те застройщики, у кого сейчас на руках есть свободные деньги, будут строить, чтобы спасти эти деньги от инфляции. Но при этом квартиры продавать не будут (о причинах я уже говорил). Остальные будут ждать, поскольку ставки по кредитам сегодня огромные, да и получить их абсолютно нереально. В результате, как я понимаю, начнет расти в цене «вторичка». Но и здесь предложение будет сокращаться, поскольку неясно, что будет с рублем. Во всем мире в эпоху затяжных кризисов на рынке недвижимости действуют одинаковые законы: если у вас есть деньги – покупайте, если у вас есть, что продать – придержите до тех пор, пока ситуация не прояснится. Так что будем ждать и надеяться, что нынешний кризис заставит страну переформатировать экономику, и отныне ставка будет сделана не на сырьевые отрасли, а на реальный сектор.

Светлана Анохина

НАПИСАННОМУ ВЕРИТЬ

(Продолжение. Начало в № 1 за 2015 г.)

У отца 9 братьев было, младший научил меня арбузы катать. Это уже в 50-х было, в Баку. Мы с мамой и сестренкой жили, бедно жили совсем, а он приходит всегда нарядный, прикинутый, в костюме, а еще на нем рыжие такие лакированные туфли. И в них бамбуковые супинаторы. Самый шик считались. Если бамбуковые супинаторы, то идешь и звук такой – «шах-шах», как по паркету идешь. Так вот, придет к маме: «Гуля, можно Мамедика взять?». Приведет меня куда-то, там разное кушать-мушать. Шоколад, конфеты, а я тогда даже карамельки редко видел. Я его спрашиваю: «Дядя, ты откуда день-

В общем, я как-то говорю дяде: «Дай мне работу, у меня мама, у меня сестренка! Мне надо их кормить». Он говорит: «Я же их кормлю». — «Я не хочу, чтобы ты кормил». Он говорит: «Хорошо, набери 12-15 пацанов, пусть приходят». А там, на рынке, прямо барханы были из дынь, арбузов — среднеазиаты приезжали туда,

ги берешь?». – «Тебе это не надо знать. Возьми

это, дома всех угостишь». Мне было семь лет

в своих халатах, тюбетейках. Они нашего языка не знали, русский тоже не сильно знали. Я подходил к одному, говорил: «Дядя, дай этот самый большой арбуз». Он выберет здоровый, килограмм на 15, взвесит, я и говорю: «Поставь сюда, я его не могу взять – уроню». Он положит арбуз, я его чуть ножкой толкну, будто случайно, он и катится под уклон, там горка была небольшая. Я кричу «Ой, дядя, арбуз убегает, дядя! Мне не догнать!». Он бежит за ним, а в это время мои пацаны вылетают и из этой горы арбузной хватают, сколько могут утащить. Но мы их не ели. Мы их потом этим же торговцам продавали.

Я приходил домой, конфеты-мампеты приносил, деньги приносил, мама плачет: «Мамед, откуда это? Ты воруешь?». Я говорю: «Нет, я работаю! Арбузы катаю». Она не понимала, что это такое, успокаивалась. Так и выжили. На моих арбузах. Я ей только перед самой ее смертью все рассказал. Она слабая уже совсем была, руку подняла, мне на щеку положила, говорит: «Бедный, бедный мой мальчик». А какой я мальчик, уже старый, седой весь?!

У нас в Дербенте, в инфекционной больнице работал один старик; кажется, он был европейский еврей. Не здешний, во время войны сюда попал. Его очень любили, хороший был врач, как говорят, хирург от Бога. И вот где-то к концу 1949 года, кажется, за ним спецотдел приехал из Москвы. Арестовали его, в Москву увезли.

А по городу пошел слух, что этот старик был враг, фашист, разведчик. Оказывается, он специально так делал операции, чтобы убивать всех. И все поверили. Даже те поверили, кого он спас. Ни один человек в Дербенте у него под ножом на столе операционном не умер, а все равно поверили, что враг, убийца.

тогда.

Mullingham In

Прабабушка первым браком была замужем за кумухским лакцем. Их с подругой вместе туда замуж выдали – какие-то тесные связи тогда были с Кумухом. У подруги родился ребенок, а у прабабушки, сколько жила она с мужем, детей не было. И вот она вернулась в родное село. А в это же время в наше село то ли из-за кровной мести, то ли еще из-за чего-то из Цумадинского района приехали брат и сестра. Брата звали Абдурахман, он был краснодеревщик. У него руки были просто золотые! Он делал мебель, у нас до сих пор в бабушкином доме стоит шифоньер его работы и пузатый такой шкафчик. Ну, в общем, они с прабабушкой поженились и стали у них рождаться дети один за другим! В первом браке не было, а тут – 8 человек, последней родилась моя бабушка.

Прадед мой был человек удивительный. Невероятного обаяния. Все знают, как в селах относятся к пришлым. Даже если твоя семья сто лет назад сюда перебралась, все равно отношение к тебе не то будет – ты будешь «сомнительный человек». А тут все его полюбили, даже те, кто кичился древностью своего рода, и те его все время к себе зазывали. Он был очень общительным, веселым и с ним любое, даже самое скромное застолье становилось праздником настоящим. Время от времени состоятельные мужчины из нашего села собирались и ехали кутить в Анжи-кала (так Петровск называли, а потом и Махачкалу), и прадеда обязательно приглашали с собой. Когда они приезжали в город, то свободных экипажей было не найти, они нанимали все экипажи и вереницей разъезжали по городу из одного злачного места в другое. Возвращался прадед через неделю, усталый. Прабабушка сердилась немного, но больше жалела его. Он был как бы жертвой этой всеобщей любви, он ее, наверное, не хотел и не просил, и никак не мог от нее защититься.

А потом в него влюбилась женщина из одного известного рода. Она красивая была, говорят, золотые волосы, коса до колен, кожа белая, как молоко. У нее уже был какой-то недотепамуж и куча детей. Но она влюбилась так, что об этом знало все село. Это было безумие, умопомешательство, она не считала нужным или не могла как-то эту свою одержимость скрывать.

Преследовала его буквально. Как-то на свадьбе ее муж выпил, расхрабрился, вышел с ружьем, прокричал: «Я тебя, Абдурахман, убью! Оставь мою жену!» И выстрелил в прадеда. Правда, не попал. И начальник милиции посадил прадеда в тюрьму от греха. Ну как посадил. Сказал: «Послушай, Абдурахман, побудь тут, пока все не уляжется. Тут безопаснее».

В общем, сидел он в тюрьме. Сидел весело, с начальником тюрьмы пирушки закатывали они, бабушка была маленькой, но помнит, как носила отцу хинкал, прочую еду.

А эта женщина, влюбленная, все никак не могла успокоиться, все ходила кругами возле тюрьмы, караулила начальника тюрьмы, просила: «Выпусти его, выпусти! Хоть на час, хоть на 5 минут!».

И вот в один день начальник тюрьмы пришел к прадеду и говорит: «Абдурахман, ну я уже не знаю, как быть! Все село смотрит, как она сюда ходит. Выпустить тебя – опасно. Не выпустить – тоже опасно. Мужчины из ее рода ходят мрачнее тучи, беда может быть».

Прадед говорит: «Ну ладно, давай, выпускай».

Было в нашем селе одно место, родник, а перед ним поляна. Сейчас-то там все застроили, а в те годы это было место для романтических встреч. И вот прадед мой и эта женщина пошли туда. Понимали, что за ними следить могут, наверное, но все равно пошли, говорю же, там было полное безумие. И как только они присели, как выскочили шесть сестер этой женщины. С ножами. Ее они не трогали, на него кинулись. Она пыталась помешать, кричала: «Абдурахман, защищайся, дерись!». Ее даже ранили, но легко ранили, случайно, когда она пыталась его собой закрыть, руку с ножом перехватить. А он, говорят, даже не сопротивлялся, даже не пытался встать. Сидел, как сидел, а они били его ножами. Там он и умер.

А через какое-то время умерла младшая из дочерей этой женщины. Не знаю, что там было, заболела и умерла. И вот она, та женщина вышла на крышу дома и выла в небо. Выла так, что все село слышало, кричала: «Абдурахма-а-а-а-ан! Теперь ты умер! Теперь у меня ничего от тебя не осталось!».

menterthen

У моего отца то ли 9, то ли 10 братьев было и одна сестра. Она должна была родиться мужиком, такая дерзкая. Как-то их отцу, моему деду надоело с одной женой жить, и ему молодую в Баку нашли. Представляешь? При живой жене, привести в дом новую! Тогда это не очень понимали, хотя никто ничего не сказал. Бабушка тоже ничего не сказала, но оскорбилась, в комнате заперлась и не выходила оттуда. Кушать ей прямо туда дочка носила. Сыновья ходили черные. Им и за мать обидно было, и стыдно перед сельчанами. Эта новая жена совсем девчонка была, даже младше их. А дед ничего не замечал,

что детей оскорбил, что жену оскорбил тоже не замечал. Радовался, свадьбу готовил. И вот привезли эту молодую, шум, гам, все танцуют, празднуют, и, когда ее в дом по лестнице заводили, один из сыновей выстрелил ей в спину. А сам – сразу же на лошадь и в Баку. Дед что только ни делал: специально резал баранов, шкуры снимал и в эти шкуры раненую заворачивал – считалось, что помогает. Только она все равно умерла. Дед долго горевал, на сына обиду держал и даже слышать о нем не хотел. А через несколько лет нашел какого-то человека из Баку и сказал «Ты передай Кайтмазу, чтоб возвращался. Всетаки он сын мне».

Бабушка вышла замуж в 15 лет. Я маленькой все приставала к ней, расспрашивала, как, что, где познакомились? «Я, – говорит, – с рождения была засватана за одного парня из нашего села, его потом забрали в армию и он там погиб». Причем, как погиб, почему погиб, бабушка сказать не могла. Это были 30-е, никакой войны же еще не было. В общем, он погиб, и бабушка по погибшему жениху носила траур. А в те годы шла кампания за ликвидацию безграмотности. Приехали в село эти ликвидаторы, среди которых был и мой дед, собрали всех в каком-то помещении и грамоте обучали. И бабушка туда тоже пришла. Наверное, она бросилась деду в глаза, юная совсем, белолицая и во всем черном. Засватал ее дед, поженились они и уехали в Махачкалу.

Бабушку город не испугал, она тут все сразу полюбила. Жили они где-то на Маркова, рядом с обкомом, где работал дед, там и мама моя родилась. А в 1937 году пришло известие, что Самурский объявлен врагом народа. Дед в запале прокричал: «Раз Самурский враг народа, тогда и я тоже!» Дали деду 10 лет.

Бабушка, она в то время была беременна вторым ребенком, как узнала, что мужа арестовали, схватила вещи – все, что под руку попалось, и уехала назад в Ботлих, к матери. Там родилась вторая девочка, мамина сестра. Бабушка рас-

сказывала, как она из Ботлиха с детьми пешком ходила в Буйнакск, передачи деду носила. И вот как-то младшую оставила у кунаков в Ортоколо, очень тяжело было с двумя. Пока они дошли, пока вернулись – девочка чем-то заболела и умерла.

А потом пришла бумага на деда, что он расстрелян. В 1941-м году бабушке было всего 20 лет, а она уже потеряла и мужа, и ребенка. Жить было не на что, работы не было. Никто не хотел брать на работу жену врага народа. Прабабушка что-то умудрялась заработать шитьем. А потом в бабушку влюбился председатель колхоза и позвал ее второй женой. Причем к ней даже не подходил, подошел к ее матери. И бабушка согласилась. «Я будто заснула», – так она потом о себе говорила. Она родила новому мужу двоих детей, но счастья особо не было. Разве что уже не голодали. Этот председатель прабабушку устроил заведующей фермой, так что сыр, масло, что-то всегда в дому было. А тут на этого мужа пришла анонимка, и его тоже посадили, с конфискацией имущества.

И вот он берет и как семью указывает не первую жену и детей от нее, а бабушку. И к ним приходят с конфискацией. А у бабушки грудной ребенок, младший сын Магомед. Мама рассказывала: «Я-то уже постарше была, все понимала, помню, как уводили корову-кормилицу. Я

держала ее за хвост, плакала – корову нельзя, у нас маленький мальчик! Не послушали. Все забрали. Оставили пустой дом. И совсем немного муки и творога удалось припрятать».

Но про все это бабушка не очень любила рассказывать, больше любила про то, как они с дедом гуляли в Городском саду. Про сапожника еще рассказывала, это был какой-то редкий мастер. Он шил ботиночки, мягкие, темно-красные кокетливые женские ботиночки на шнуровке, и даже на примерку ходить уже была радость – такие они были красивые. Уже в старости, когда

бабушка приезжала из села в Махачкалу, просила меня: «Ну, пойдем в Городской сад!». И мы шли. И она смотрела на свои туфли – будто это опять красные ботиночки со шнурками. И еще обязательно отправлялись в кинотеатр «Дружба», на индийский фильм. Садились в первых рядах, смотрели и обе рыдали. А потом шли есть мороженое, она так любила мороженое, могла сразу съесть 10 штук. Я спрашивала: «Ба, ты за горло не боишься?» А она мне таким юным девчоночьим счастливым голосом отвечала: «Нет! От мороженого я никогда не заболею!»

* * *

Прабабушка была отличная портниха. Она говорила: «Я всю жизнь одной ногой качала педаль швейной машинки, другой – люльку». За эту машинку ее проклял отец. Дело было еще до революции. Тогда в хадж уходили, как в никуда. Неизвестно, вернешься – не вернешься. И вот прапрадед уладил все свои дела, раздал долги, распределил земельные наделы между всеми детьми (прабабушке достались виноградники), попрощался и ушел с другими паломниками.

А через какое-то время в селе появился торговец. Ходил, швейные машинки продавал. И вот прабабушка продала надел, который ей отец оставил, и купила этот «Зингер». Прапрадед все же вернулся из хаджа, обо всем узнал и проклял дочь — «адскую машину купила!». Но эта «адская машина» семью всю потом спасала. И когда революция случилась, и все земли конфисковали; и потом, когда прабабушка овдовела, и когда ее дочь осталась одна с детьми маленькими, — всех их спасла и прокормила эта машинка.

Мои родители вместе совсем недолго жили, быстро развелись. Мама снова замуж вышла, у нас же в селе, а папа уехал в Махачкалу. Он был очень мягкий человек, деликатный, тонкий, я не знаю, как он тут у нас выжил вообще. С детства мечтал быть хирургом, учился, но его сорвали из ординатуры, что-то у младшего брата не клеилось, помощь нужна была, вот семья и потребовала, чтоб он вернулся. У младшего брата все наладилось, он, что называется, в люди выбился, а папа всю жизнь проработал скромным терапевтом в санатории «Талги». Не жаловался, просто руками разводил и говорил «не сложилось» и улыбался. У меня от этой его улыбки сердце начинало болеть. С женщинами у него тоже не сложилось, у мамы моей норов еще

тот, и вторая жена попалась не сахар. Она сердилась, что он такой рохля, что карьеру не делает, обходят его все. А еще очень злилась, что он штопает себе майки и носки. Наверное, если бы он ее бил, она бы терпела, а со штопкой смириться не могла. Даже мне жаловалась, я же к ним часто забегала. И вот однажды прихожу, а она опять злая, говорит мне: «Ну хоть ты скажи своему отцу! НЕМУЖСКОЕ это дело! Он себя позорит, меня позорит!». Я к нему в комнату захожу, а он и, правда, сидит, в руках то ли носок, то ли еще что и будто не слышит, что там за стенкой происходит. Подхожу к нему, только рот раскрыла, а он поворачивается и протягивает мне этот чертов носок: «Смотри, доча, какой красивый я тут шов положил!» Мечтал быть хирургом... Да.

Она как выжила-то? Только благодаря этому ребенку выжила, он ее спас. Она же в свои 15 лет была «враг народа», чудом не расстреляли. Ну и нашелся там то ли на одной из пересылок, то ли в лагере, точно не помню, добрый мужик один из вольнонаемных, фельдшером, кажется, был при больничке. В общем, он ее пожалел, говорит: «Лелечка, дочка, тебе, да еще с твоим здоровьем тут не выжить. Тебе надо срочно ребеночка, для «мамок» послабления есть». Легко сказать «ребеночка», а где его взять, от святого духа,

что ли? Она ходила, думала, думала, а потом к

A A R A R R R RARATARA

нему и пришла. Он сначала не понял, а потом чуть не заплакал, трясет ее за плечи и кричит шепотом: «У меня дети в два раза тебя старше, не могу я!». Она говорит: «ну, значит, я умру» – и смотрит ему прямо в глаза. Вот так все и получилось. Что думали эти двое, что чувствовали, она – девчонка 15-ти лет, он – мужчина за 60, я не знаю, и даже знать не хочу. У них то ли день, то ли два было на все про все. Но Леля выжила и даже домой вернулась с ребенком, с мальчиком своим. А он ... Разные слухи доходили. Одни говорили – от инфаркта умер. Другие, что в сараюшке какой-то его нашли, повесившимся.

Я родилась в 47-м, в чеченском селе. Чеченцев оттуда выселили, а наших насильно заселили. Ты же знаешь, как было – несколько часов на сборы, всех погрузили на машины, повезли, не объясняя, куда, и выгрузили в чужом селе. А там дома стоят, окна выбиты, двери настежь, разоренные – как наши, что в Тарки остались. Ну стали как-то жить. И туда после войны приехал мой отец. Там и с мамой познакомился, ей 16 было, отцу 26. Свадьбу сыграли, небогатую, откуда в те годы богатство, но все же нормальную свадьбу. И вот наутро после свадьбы в дом стали приходить соседи. Придут, поздравят еще раз, а

потом берут, кто тарелку, кто ковер, кто стул и уходят. Мама ничего понять не могла: как так, куда все вещи уносят. А отец смеется: «Оставь, – говорит, – они свое забирают». Оказывается, у него даже тарелки своей не было, все соседи принесли, чтобы свадьбу достойно справить. Мама говорила: «Я каждую вилку-ложку глазами провожала, думала, а что же нам останется, у нас есть свое что-нибудь?» И вот, когда уже все разобрали, оказалось, что и свое имущество тоже есть. Старое стеганое одеяло, страшное такое, и отцовская шинель. Так они и жили в пустой комнате, на одеяло ложились, чтоб не так жестко было, шинелью укрывались.

Мама моя из семьи крестьянской, но зажиточная семья была. И все, что накопилось в семье, все было для нее. Когда отец к ней стал свататься, отдавать не хотели — он, хоть и рода хорошего, но голытьба: ни кола ни двора. А еще и 6 младших братьев и сестер. Но мама упрямая была, единственная дочка, настояла. Они поженились в 1926 году. Отец работал шорником. Пояса шили — сбруи для лошадей. Все у него хорошо шло; мой дед, мамин отец, уже на зятя по-

другому смотрел, уважительно. Отец свое дело открыл, накупил кожу, вложил много денег, но тут вдруг обложили таким страшным налогом, что он не мог выплатить. И у нас все отобрали, даже дом отобрали, который мамин отец им купил. На трех подводах все вещи увезли; я стояла у дверей, совсем маленькая была, но понимала, что беда, смотрела, как все выносят и плакала. И один, уже уходя, меня увидел, присел на корточки, по голове погладил, «не плачь, девочка», и снял с меня золотые сережки.

(Продолжение следует)

Амирхан Магомеддадаев

МАГОМЕД-АМИН АСИЯЛАВ

Как писал еще в 1860 г. царский генерал и историк Николай Карлгоф, «из последних деятелей падшего уже на Кавказе мюридизма особенное внимание заслуживает и по справедливости должен занимать первое после Шамиля место Магомет-Амин ... он не может быть поставлен наряду с другими наибами Шамиля, мы на него должны смотреть как на особого политического деятеля». Магомед-Амин, направленный Шамилем на Западный Кавказ (он был уже третьим эмиссаром имама), в течение 11 лет (1848-1859 гг.) руководил борьбой адыгов против колониальных захватчиков.

Согласно собственноручно написанной автобиографии, Магомед-Амин родился в Дагестане, в аварском селении Гонода нынешнего Гунибского района. Он потерял отца, воспитывался матерью Асият. По некоторым данным, его мать звали Айза, а Асият была родственницей, от имени которой его звали «Асиялав»; именно под таким именем он был первоначально известен в Дагестане. Магомед-Амин получил традиционное для дагестанских детей образование в сельском медресе, затем учился у своего дяди Даитбека – кадия селения, и завершил свою учебу у знаменитого Абдурахмана-хаджи Согратлинского, был «хафизом», т.е. знал наизусть весь Коран.

В 17-летнем возрасте он стал мюридом Шамиля, а в 30-летнем – наибом в Черкесии.

В Черкесию Магомед-Амин приехал в 1848 г. с соблюдением всех возможных мер предосторожности: он прибыл «... за Кубань, скрытый в арбе, заложенной разными товарами, и неожиданно появился за Лабою». Первыми беспрекословное свое подчинение и верность Магомед-Амину изъявили абадзехи, из числа которых наиб сформировал себе гвардию («муртазеков»). Главнокомандующий на Кавказе М.С. Воронцов писал военному министру

России А.И. Чернышеву, что Магомед-Амин «с неимоверной быстротой подчинил своей власти все закубанские племена» и что он готовится к наступлению против русских линий.

О своих достижениях Магомед-Амин информировал своего имама, который пристально следил и руководил всем ходом борьбы горцев Северного Кавказа. Шамиль не раз отмечал талант и мужество Магомед-Амина, крупные успехи, достигнутые под его руководством черкесами в неравной борьбе с царизмом. Эхо борьбы раздавалось далеко за пределами Кавказа. «Храбрые черкесы снова нанесли русским несколько серьезных поражений. Народы, учитесь у них, на что способны

люди, желающие остаться свободными», – писал Карл Маркс в пробном номере «Коммунистического журнала».

Обращаясь к имени и делам Магомед-Амина, А.И. Барятинский в своем письме Александру II от 28.11.1854 г. писал, что «хотя Магомет-Эмин и не пользуется, подобно Шамилю, всесветною известностью, но все-таки и Турция, и наши западные соседи хорошо знают это внушительное имя».

Английский официоз - газета «Times» - на-Магомед-Амина «виднейшим черкесским вождем». О его политических и полководческих способностях и достижениях высоко отзывались современники движения горцев Кавказа и последующие его исследователи. «Наиб – заместитель или представитель – Шамиля приобрел исключительное влияние на умы до сих пор разъединенных народов, хотя он не черкес, а дагестанец...», «... он предпринял покорение черкесов, имея только посох...», смог «несколько

раз атаковать причерноморское укрепление и правый фланг кордонной линии, удерживал здесь значительные военные силы ... »

В истории движения народов Северо-Западного Кавказа с именем Магомед-Амина связывают не только героическую борьбу за независимость, ему приписывают и создание единой государственной системы, осуществившей целый ряд военных, административно-гражданских и социально-экономических преобразований. «В тяжелых условиях Магомет-Эмин смог объединить разрозненные адыгейские этносы, включить их в политическую систему имамата, установить в Западной Адыгее государственные формы правления. Не надо забывать, что наряду с этим он вел и успешную борьбу с превосходящими силами врага, нанося ему неоднократно тяжелые поражения», «... он не знал ни усталости, ни скуки и почти никогда не отдыхал». «Опасность быть покоренными русскими и энергия наиба Мохаммед-Эмина привели адыгейский народ к неизвестному еще дотоле единению».

Магомед-Амин был первым политическим деятелем в Закубанском крае, которому удалось соединить в одно целое многочисленные народы от Лабы до Бзыби. Идеи, принципы мюридизма Шамиля здесь получили признание и были адап-

тированы во многом благодаря проникновенным проповедям Магомед-Амина («Златоуста»), который слыл искусным оратором. Простой народ – «тхвохотли» – был основной социальной и политической силой, на которую опиралась государственная система Магомед-Амина.

В состав «религиозно-политического государства Мухаммед-Эмина входило пространство, ограниченное течением реки Лабы от ее верховьев до впадения ее в Кубань, низовьев Кубани и Черноморской прибрежной полосы вплоть до самой

Абхазии и Сванетии». По подсчетам русских офицеров, предположительный военный потенциал армии Магомед-Амина составлял 80 000 человек.

Внутреннюю политику Магомед-Амин осуществлял при помощи совета старшин и муфтиев. Власть наиба была ограничена этим советом. Близкие сподвижники и соратники Магомед-Амина пользовались уважением среди своих племен. «Мюридизм, проповедующий равенство, особенно расположил в пользу Мухаммед-Эмина довольно многочисленный класс подвластных и рабов, видевших в нем провозвестника своего скорого освобождения», и одновременно восстановил против него черкесских князей и дворян.

Весть о падении имамата Шамиля произвела на Магомед-Амина, обессиленного тяжелой борьбой с объединенными силами русской

армии и черкесской аристократии, колоссальное впечатление. «С падением Шамиля иссякал источник его власти».

20 ноября 1859 года Магомед-Амин вместе с двумя тысячами всадников и старшинами абадзехов явились в русский лагерь в урочище Хомасты и дали генералу Филипсону присягу на верность русскому царю «на вечные времена». Первым принял присягу Магомед-Амин, заявив, что «закон Магомета не препятствует

мусульманам быть подданными христианского государя». Магомед-Амин в договоре с Филипсоном обговорил ряд условий, в связи с чем небезызвестный генерал Р.А. Фадеев считал этот договор для России «бременем».

Отсутствие всякой поддержки извне, разобщенность черкесских народов, обостренные классовые противоречия в обществе, предательство черкесского дворянства, покорение Северо-Восточного Кавказа и большей части Северо-Западного Кавказа, привели политически дальнозоркого, имеющего богатый опыт освободительной борьбы, преданного черкесам Магомед-Амина к этому непростому решению. Он настойчиво предпринимал попытки заключить с Россией мир и принять русское подданство на наиболее выгодных условиях – пока еще абадзехи представляли собой значительную силу, с которой Россия была вынуждена считаться.

Соблюдение условий, оговоренных Магомед-Амином, обеспечивало свободу и независимость абадзехского народа. И здесь он не отступил от своих принципов, добившись от царских генералов при заключении мирного договора признания неприкосновенности общественного порядка абадзехов, их земель, веры и обычаев, а также освобождения их от каких бы то ни было налогов и военной службы. Как известно, условия эти оказались более выгодными, чем это удалось сделать Шамилю. Хотя следует отметить, что на деле в значительно большей степени условия этого договора

соблюдались именно в Дагестане, а в Черкесии договор оказался ненужным: адыгов вскоре (в 1863-1865 гг.) выселили и этим «закрыли» проблему.

«Государь! Я весьма счастлив ... сообщить Вам о великом событии ... Магомет-Эмин ... покорился ... и если он ... изъявит намерение ... отправлю в Петербург», – писал А.И. Барятинский 28 ноября 1859 года Александру II.

В апреле 1860 года Магомед-Амин был принят Александром II, а 28 апреля того же года посетил своего имама в Калуге. Погостив у него три дня, Магомед-Амин уехал через Одессу в Турцию. «Этот уход в Турцию, где он дважды арестовывался, должен быть правильно оценен ... Он не предал тех, кто шел за ним более 10 лет ...» Царские дипломаты в Турции всеми силами старались очернить Магомед-Амина в глазах северокавказских мухаджиров, опасаясь серьезных намерений Магомед-Амина продолжить вооруженную борьбу против колониальных захватов России на Северном Кавказе.

Магомед-Амин умер в 1317 г. хиджры (1899 г.) в Турции и похоронен в сел. Армут-кёй, недалеко от областного центра – города Бурса.

В 1994-2001 гг., во время сбора полевых материалов о дагестанской диаспоре, нам удалось встретиться с потомками Магомед-Амина в Турции и получить много неизвестных, интересных и до сих пор не опубликованных сведений о выдающемся нашем предке. Обстоятельная исследовательская работа о жизни и деятельности Магомед-Амина еще впереди.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

— Гаджимурад, ответьте, пожалуйста, когда Вы должны были прийти?

Я был ошарашен. Давненько я не слышал подобного обращения взрослого человека к шестилетнему ребенку. Подумалось: последний из могикан... А удивил меня своей культурой и особым методическим даром преподаватель Каспийской музыкальной школы имени Сергея Агабабова Ефим Семенович Островский – известный в республике музыкант, бывший художественный руководитель Дворца культуры Каспийского завода «Дагдизель», многие годы возглавлявший эстрадный оркестр, который по праву считался одним из самых лучших на Северном Кавказе. В эти дни Ефим Семенович отмечает свой восьмидесятилетний юбилей.

ΚΑΚ Я ΠΟΠΑΛ Β ДΑΓΕСТАН?

До войны мы жили в Кривом Роге Днепропетровской области. Когда началась война, мне

было 6 лет. Меня вместе с матерью, а также с бабушкой и дедушкой эвакуировали. Когда мы сели на железнодорожную платформу, то даже видели немцев, въезжавших в город на мотоциклах. Да, война принесла много горя. Вспоминаю толпы беженцев по пути нашего следования. Эти полтора месяца совсем не туристической поездки показались годами. Во время войны даже в тылу время замедляет

свой ход. Вспоминаю площадь перед махачкалинским железнодорожным вокзалом, где мы, гонимые ветром войны, ютились прямо на открытом воздухе. К счастью, моя тетя, которая работала в поселке «Двигательстрой» врачом, забрала нас к себе. Но вскоре завод эвакуировали в Алма-Ата, и только в 1944 году мы вернулись в Дагестан, в свой рабочий поселок, через три года получивший статус города.

А дальше - учеба. Школа № 2, в которой я учился, отличалась своим трепетным вниманием, как сегодня сказали бы, к эстетическому воспитанию молодежи. В послевоенное время была особая тяга к культуре, образованию, люди соскучились по всему прекрасному и возвышенному. Достаточно сказать, что в обычной провинциальной школе были хоровая студия, духовой оркестр и оркестр народных ин-

струментов. В духовом оркестре у него были замечательные учителя, причем, учителя не только в постижении секретов музыкального искусства, но и в жизни вообще. Исаак Соломонович Рапопорт был легендарной личностью... В Первую мировую войну он занимал должность

помощника главного дирижера Юго-Западного фронта, в составе которого играло около 100 музыкантов. Он не знал теории и методики преподавания, но был педагогом по призванию.

Как ни странно, но после поступления в Ленинградский институт водного транспорта мое музыкальное образование продолжилось. В этом престижном техническом вузе также был духовой оркестр, который принял меня, начинающего трубача, в свой творческий коллектив. Руководителем оркестра был Виктор Васильевич Буланов, который в свое время работал в Кировском (ныне – Мариинском) театре оперы и балета. Существенно помог мне в профессиональном становлении и руководитель эстрадного оркестра вуза Василий Игнатьевич Царев. Я быстро освоил практически все духовые инструменты – от «альтушки» до баритона и тромбона. Эти навыки, ох, как пригодятся мне в будущем!

В этом институте заботились о всестороннем воспитании студентов. Этой цели служила так называемая «театральная касса» вуза, которая позволяла студентам «под стипендии» приобретать абонементы на спектакли местных театров, к примеру, в БДТ или в Пушкинский... Так уж случилось в моей судьбе, что институт, призванный готовить инженеров, выпустил музыканта. Хотя мне пришлось по окончании вуза трудиться по специальности - в Красноводском и Махачкалинском морских портах, но это никак не поколебало моего решения – посвятить себя музыке.

«ЛЕНИНГРАД ДАГЕСТАНА»

Много «визитных карточек» у Каспийска. И Ефим Семенович Островский со своим детищем – эстрадным оркестром, стал своего рода важной визитной карточкой, брендом города на Каспии.

Вообще с эстрадным оркестром связан большой отрезок творческой жизни Островского. Удивительно то, что оркестр, в котором играли рабочие, инженерно-технические работники

завода «Дагдизель», был достаточно профессиональным, его высокий уровень отмечался на различных фестивалях, смотрах и сводных кон-

цертах.

Каспийск в те годы называли «Ленинградом Дагестана». Эту славу он заслужил своим промышленным потенциалом, передовым рабочим классом, своей интеллигентностью, разнообразной культурной жизнью, благоустроенностью и чистотой.

Наша известная дагестанка, одна из руководителей республики Роза Эльдарова, на открытии Дворца культуры «Дагдизеля» так и сказала: «Вы никогда не забывайте, что Каспийск для Дагестана – то же самое, что Ленинград для страны». Дворец культуры считался одним из самых луч-

ших на Северном Кавказе. В этом храме культуры был свой театр, киностудия «Дагестан», два духовых оркестра. А эстрадный оркестр знали во многих регионах страны, даже показывали по Центральному телевидению. А это в те времена было знаительным событием. Дворец культуры на профсоюзных курсах в Ленинграде в 1987 году был признан одним из образцовых. (Образцовый... Какое-то заезженное слово. Но в устах Ефима Семеновича оно звучало с какимто ароматом ностальгии... – Э.Э.)

ЧЕМУ УДИВИЛСЯ ХРЕННИКОВ?

Еще до войны в городе был эстрадный коллектив. Но, к сожалению, набор музыкантов, да и инструментов был по сути дела случайный. Исполнялись в основном популярные советские песни. Но для того времени это тоже было неплохо. Когда в 1960 году Ефим Островский возглавил оркестр, то поставил перед собой задачу – попытаться создать оркестр совершенно нового типа, который играл бы и оркестровую музыку. Он одним из первых в республике создавал эстрадные аранжировки дагестанских народных мелодий. Можно с уверенностью сказать, что на протяжении от Ростова до Баку такого оркестра не было.

Особую популярность приобрел Ефим Семенович и его оркестр после того, как он сделал удачную композицию на тему произведений Тихона Хренникова. А дело было так. Как-то Ефим Островский был приглашен для разговора в горком партии. Секретарь горкома Патимат Дибирова ошарашила: «На днях в Каспийск приезжает наш депутат в Верховном Совете РСФСР

композитор Тихон Николаевич Хренников, надо встретить оригинально...»

«Легко сказать «оригинально», – подумал Ефим, но молниеносно выпалил фразу, как будто заготовленную заранее:

– А может, я сочиню фантазию на популярные мелодии мэтра...

Сказано – сделано. Позже свидетели этого импровизированного концерта вспоминали, что Тихон Хренников после того, как услышал эту фантазию на свои произведения, был так растроган, что обнял Ефима Островского и пожелал ему успехов в творчестве.

Не случайно воспитанники Ефима Семеновича становятся победителями и лауреатами республиканских и региональных фестивалей юных дарований. Некоторые из его подопечных работали в основном составе оркестра Олега Лундстрема, некоторые прославляют музыкальное искусство Дагестана, выступая в республиканском театре оперы и балета. Сегодня Ефим Семенович обучает юных каспийчан тому, чему он посвятил всю свою жизнь – музыкальному искусству. Они не только постигают секреты мастерства игры на фортепиано, ксилофоне, но и, что

ва игры на фортепиано, ксилофоне, но и, что важнее всего, «заражаются вирусом» эстетического восприятия окружающего мира.

«НЕГРИТЯНСКАЯ РАБОТА» ОТ ВЛАДИ-МИРА СПЕРАНСКОГО

Ефима Семенович в республике знают как успешного композитора. В его творческом портфеле цикл песен на стихи Дени Эмирова, Абдула Раджабова, других дагестанских поэтов. Но больше всего его «эксплуатировали» в качестве аранжировщика. Как-то пригласил его к себе тогдашний главный редактор художественного вещания радиокомитета, человек энциклопедических знаний в области музыкального искусства Дагестана, ветеран войны Владимир Васильевич Сперанский. Он сразу же, как говорится, «взял быка за рога» и без излишних предисловий сказал: «Ефим, буду откровенным. Мы радио, потребительская организация, и берем только то, что нам выгодно. Ты можешь писать все что угодно, но мы возьмем, что нам нужно. Это, во-первых. А во-вторых, ты – аранжировщик, и этим нам интересен. Если возьмешься за

эту «негритянскую» работу, то мы иногда будем ставить в эфир твои произведения.

Ефима Семеновича подкупило то, что мэтр дагестанской журналистики говорил прямо, без обиняков. С особым чувством благодарности вспоминает Ефим Семенович и художественного руководителя ансамбля национальных инструментов Даградио Георгия Папаяна, который в тактичной и деликатной форме делал ему замечания по оркестровке. Ефима, в принципе, всегда привлекало искусство аранжировки. У него периодически возникало желание проявить себя в этом. Но на первых порах отсутствие элементарных знаний, страх сделать нечто своё мешало работе. Если бы не потрясающая разносторонность и музыкальная эрудиция его учителей, кото-

рые встретились Ефиму Островскому в юные годы, а затем и в более позднее время, то мы не имели бы одного из самых талантливых аранжировщиков республики.

Вместе со Сперанским и Папаяном на дагестанском радио работал и другой не менее известный специалист в сфере художественного вещания, автор популярных передач на русском языке: развлекательной – «Салам Алейкум» и сатирической – «Наш дарман» – журналист, поэт, прозаик и драматург Абдул Раджабов. Именно он в приватной беседе с Ефимом посоветовал ему отказаться от написания конъюнктурных песен типа «Песня о партбилете». Собеседник Ефима Островского каким-то «животным» чувством почуял приближение перестройки и деидеологизацию нашего общественного строя.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПЕДАГОГ И ПСИХОЛОГ

Музыкальная школа, в которой работает Ефим Островский, носит имя Сергея Агабабова, и это обстоятельство, по словам Ефима Семеновича, накладывает свой отпечаток на работу педагогов и учащихся. Воспитанники школы исполняют произведения безвременно ушедшего из жизни талантливого композитора. Это для агабабовцев дело святое! В школьной программе также произведения Наби Дагирова, Мурада Кажлаева, Сейфуллы Керимова, Магомеда Гусейнова, ну и, конечно, патриарха профессионального музыкального искусства Дагестана Готфрида Гасанова. Безусловно, влияние таких

мэтров – композиторов Дагестана, а также тех, у кого Ефим Островский учился, сказалось на его стиле преподавания, он незримо присутствует, но не воздействует на общую методику.

Он талантливый педагог и психолог, умеет найти нужный подход к детям и добиться максимального интереса к музыке, максимальной отдачи с их стороны. Помимо преподавания Ефим Семенович контактирует со своими коллегами, очень авторитетными музыкантами и педагогами. Среди них можно назвать председателя Союза музыкантов РД, пианиста Хана Баширова, председателя Союза композиторов РД Рамазана Фаталиева, заслуженного деятеля искусств РФ, композитора Касума Магомедова, известного искусствоведа Эльмиру Абдулаеву и многих других. Таким образом, формируется интересный и полезный круг общения, который как воздух необходим истинно творческому человеку.

Иногда он спорит с коллегами, соглашается с ними по тем или иным музыкальным проблемам. К примеру, Ефим Семенович считает, что имеет право на существование только «живая музыка», музыка, идущая от сердца. А музыка, созданная на компьютере, одурманивает как наркотик, но не проникает в душу человека. По его мнению, даже талантливо сделанная таким образом музыка, не настоящая, она консервированная. Разве можно сравнить чтение стихов Расула Гамзатова Фаиной Графченко вживую и в аудиозаписи? Эффект несопоставим – живое звучание всегда в выигрыше!

СУЕТА ВОКРУГ «ДОМА АХУНДОВА»

Одна из достопримечательностей города Дербент – дом Ахундова, прозванный в народе «дагестанским Эрмитажем», стал предметом спора между представителями различных ведомств. Специалисты Министерства культуры Дагестана считают, что здание нужно отдать под музей.

В «ДАГЕСТАНСКОМ ЭРМИТАЖЕ» БУДЕТ ПОЛИКЛИНИКА?

Еще с 50-х годов прошлого века и до наших дней в этом здании функционировали меди-

цинские учреждения. И этот исторический объект находится на балансе Министерства здравоохранения республики. А в январе 1997 года постановлением Правительства РД дом был признан памятником архитектуры регионального значения. В связи с тем, что в нынешнем году будет праздноваться 2000-летие города Дербент, деятели культуры предложили сделать дом Ахундова одной из достопримечательностей города.

Еще в апреле позапрошлого года, по поручению Главы Дагестана Рамазана Абдулатипова, было решено использовать дом Ахун-

дова под Музей истории культуры и религии. Министр культуры Дагестана Зарема Бутаева с выездом на место обсудила этот вопрос с мэром Дербента и представителями группы «Сумма». Компания уроженца Дагестана Зиявудина Магомедова собиралась произвести ремонт фасада и помещений здания в том случае, если оно будет использоваться как музей.

Но и сейчас там располагается поликлиника N^0 2 ГБУ Дербентской центральной городской больницы.

Заместитель директора Дербентского госу-

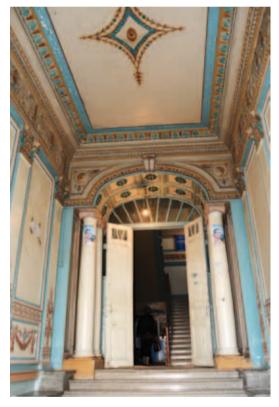
дарственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Вели Юсуфов считает правильным использовать здание в качестве музея, поскольку оно в силу своей архитектурной привлекательности представляет интерес для туристов.

– В нем можно было бы проводить выставки, презентации. У самого Дербентского музея-заповедника нет соответствующих зданий и даже офиса – сотрудники музея располагаются в приспособленном здании во дворе Армянского храма в Дербенте, – отметил Юсуфов.

Объекты музея-заповед-

ника – древние крепостные стены, цитадель, мечети, храмы, бани, кладбища, и многие другие исторические памятники – разбросаны по всему городу. Поэтому учреждение и называют: «Музей под открытым небом».

Дом Ахундова, построенный в 1916 году, не относится к объектам музея-заповедника. Проектировал здание итальянский архитектор по

заказу местного рыбопромышленника Сафтара Ахундова.

Прошло почти 100 лет, на потолках и стенах здания до сих пор сохранилась изящная лепнина. Наружные стены выложены фигурными кирпичами из пиленого камня. Фасад насыщен декором неоклассицизма. Окна второго этажа оформлены треугольными сандриками и как будто опираются на пилястры, в стиле ионического и коринфского ордера. Декор фасадов дополнен широкими балконами. Они ограждены балясинами из резного камня. Периметр дома венчает широкий профилированный карниз, фланкированный рядом крупных сухариков. Углы кровли подчеркнуты балюстрадой с резными каменными балясинами.

Пожить в своем роскошном доме местный богатей Сафтар Ахундов не успел. После революции 1917 года он был арестован. В первые годы Советской власти в здании размещался Дербентский совет РКК.

«МУЗЕЙ ТРЕХ РЕЛИГИЙ» КАК АРГУМЕНТ

- Почему решили музей назвать именно так «музей трех религий»? спрашиваю у специалиста Вели Юсуфова.
- Христианство, ислам и иудаизм на территории России начали распространяться через Дербент. Здесь проповедовали первые христиане апостолы Христа: Варфоломей, Фадей, Елисей... В Дербенте похоронены сорок сподвижников пророка Мухаммада. Ну и через Дербент в европейскую часть России переселялись евреи из Ближнего Востока,. В Дербенте самая древняя мечеть, и христианский крестово-купольный храм VI века, отвечает собеседник.

Кстати говоря, полпред Президента РФ в СКФО Сергей Меликов во время своей последней командировки в Дербент посетил и поликлинику в Доме Ахундова. Увидев, в каком запущенном состоянии находится здание, Меликов тут же поручил провести там ремонт.

Но общественники города забили тревогу: не приведет ли ремонт, проводимый по заказу Министерства здравоохранения за счет бюджетных средств, к уничтожению первозданного исторического облика здания. Опасения, что древний город может потерять еще одну историческую достопримечательность, развеял начальник управления по государственной

охране, сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия Министерства культуры Дагестана **Багавдиншайих Гаджиев**.

- В настоящее время, по заказу Министерства здравоохранения РД, подрядчик проводит санитарную очистку фасада здания (очищают от грязи, копоти), реконструирует крышу с заменой части стропил и кровельного покрытия. Внутри здания меняют отопление. Мы следим за тем, чтобы не нарушался исторический облик здания, – сказал Б. Гаджиев. По его словам, более сложные работы – реставрацию лепнины, балконов заказчик будет производить на следующем этапе... Хотя здание и представляет интерес для искусствоведов, историков, и туристов, юридически оспорить здание у Минздрава республики невозможно. Необходимо добровольное желание руководства Минздрава, – отметил представитель Минкультуры. – Мы обращались в Министерство здравоохранения, чтобы здание передали нам для последующего открытия там Музея. Однако нам отказали. Тогда взяли в аренду другое, более подходящее для поликлиники, здание - тоже в центре города на улице Мира, 3. Но Министерство здравоохранения это здание не устроило. Почему? К сожалению, Минздрав от комментария отказался, – разъяснил ситуацию Б. Гаджиев.

ЭКСПЕРТЫ УТВЕРЖДАЮТ...

Экономист из Дербента, известный эксперт **Маир Пашаев** не исключил того, что Дом Ахундова – самое красивое архитектурное здание в

Дербенте – стал яблоком раздора между олигархами, чиновниками разных ведомств.

– Года два назад были разговоры о том, что здание хочет отреставрировать уроженец Дербента, миллиардер Сулейман Керимов. Но ему, вероятно, не удалось договориться с мэром Дербента Имамом Яралиевым, у которого были свои виды на исторический объект. Градоначальник вынашивал планы по созданию музея трех религий. Однако планы мэра тоже не осуществились.

В администрации Дербента нам сообщили, что в конце 2012 года Дом Ахундова из муниципальной собственности передан в республиканскую.

Все здания, используемые под учреждения здравоохранения и находящиеся в муниципальной собственности, передаются на баланс Министерства здравоохранения, – сообщил источник в администрации.

И еще. Как проинформировал анонимный источник, для того чтоб перенести поликлинику, было предложено здание училища по улице Советская, 3. Тут же нашлись защитники училища, которое, кстати, существует лишь на бумаге. А руководство Минздрава отказалось уступить Дом Ахундова Минкультуры, объяснив это невозможностью перенести в другое здание медицинское оборудование.

Реставрация дома Ахундова должна была начаться летом. Еще весной Глава Дагестана поручил открыть там после реставрации музей мировых религий. Однако в связи с позицией Минздрава республики спонсоры не смогли

приступить к работе. Ведомство само стало заказчиком ремонта Дома Ахундова. На эти цели из бюджета выделили около 30-40 млн рублей. Хватит ли этих средств на качественный ремонт? Ответ на этот вопрос остается открытым.

В случае передачи здания под музей, группа «Сумма» собиралась выделить примерно 100-130 млн рублей на реставрацию Дома Ахундова. А Министерство культуры, чтобы все же исполнить поручение Главы республики, взяло в аренду здание бывшего магазина, и там торжественно открыло музей мировых религий.

Предприниматель из Дербента **Айваз Рамазанов** рассказал, что Дом Ахундова находился в плачевном состоянии. В этом здании 40-50 лет не производился ремонт. Некоторые балясины и решетки были поломаны. Сейчас, на время ремонта, сотрудники поликлиники временно переехали в разные места в городе. Кто-то арендует помещения рядом, кто-то «квартируется» в центральной больнице.

– В Доме Ахундова трехметровые декоративные двери, высокие окна. Неизвестно, чем они будут заменены. Если пластиковыми окнами, то облик исторического памятника, естественно, будет нарушен, – утверждает Айваз Рамазанов.

Свою точку зрения высказал и старожил Дербента, заместитель главного редактора газеты «Дербентские известия» Гусейнбала Гусейнов:

- Горожане уже не доверяют реконструкционным, строительным и ремонтным работам, - заявил он. - Посмотрите, что случилось с парком Низами Гянджеви! Он расположен у крепостной стены VI века. Территорию парка площадью 7 гектаров отдали в аренду азербайджанской компании. Собирались строить олимпийский центр, который заслонил бы древнюю стену. Выкорчевали все деревья, выкопали котлованы, где были обнаружены древние захоронения. Тогда общественность города подняла шум. В итоге представитель Министерства культуры РФ запретил возведение современного объекта в исторической части города. После этого строители бросили все как есть и ушли...

P.S. Мы привели разные мнения, которые свидетельствуют о непростой обстановке подготовки Дербента к юбилею.

СЕНСАЦИОННАЯ НАХОДКА В ДЕРБЕНТЕ

Муса Мусаев

Частный сектор Дербента, как оказалось, таит в себе интересные исторические памятники. Триста лет назад в этом хаотично застроенном и густонаселенном прибрежном микрорайоне Дербента

был пустырь. Первое здание, полуземлянка, появилось здесь в августе 1722 года. И принадлежало оно первому российскому императору Петру I, который находился в Дербенте около трех дней, во время знаменитого «каспийского» похода. По одной из версий, в полуземлянке император укрывался от

невыносимого солнцепека и духоты.

Лето во время этого похода выдалось особенно жарким, и при переходе по полупустынной низменности в результате солнечного удара погибло много солдат. Дербент стал последним пунктом пребывания Петра І. Император вернулся в центральную Россию, а в Дербенте остался гарнизон, который, построив казармы, разместился недалеко от той самой полуземлянки. Солдаты охраняли это жилище. Оно одиноко стояло на берегу моря, а дома жителей средневекового Дербента находились на склоне холма. Их плоские крыши ступеньками уходили к цитадели «Нарын-Кала».

В 1732-1735 гг. императрица Анна Иоанновна вернула Персии прикаспийские земли, завоеванные Петром Великим. Русский гарнизон покинул Дербент, как оказалось, чтоб вернуться. Когда Дербент снова был занят российскими войсками, сохранившаяся землянка Петра I стала культовым местом. В XIX веке землянку обнесли декоративным забором с колонами, у входа стояли часовые. Затем, в конце XIX века, над землянкой возвели мемориальный комплекс, состоящий из колон, соединенных декоративной

крышей. Фасад здания охранял почетный караул, над входом была надпись: «Место отдохновения великого императора». Перед зданием стояли пушки. Мемориальный комплекс посещали все

путешественники, туристы, представители семьи Романовых, в том числе Александр II.

НЕ ДО ИСТОРИИ...

В 20-х годах XX века гражданская война и разруха коснулись и хижины Петра. Она была разрушена, развалины полуземлянки засыпали. После ут-

верждения Советской власти людям было не до истории. Колонное здание превратили в бондарный цех. Потом, заложив пространство между стенами, разбив помещение на комнаты, колоннаду использовали как жилище. Посреди бараков специалистам удалось найти эту колоннаду. Представители компании «Сумма» выкупили это здание у частного лица, освободили от пристроек, надстроек, сараев. Сейчас там проводятся реставрационные работы и археологические раскопки.

КОММЕНТАРИЙ АРХЕОЛОГА

О первых результатах исследования и находках нам рассказал руководитель Дербентской археологической экспедиции, заместитель председателя ДНЦ РАН Муртазали Гаджиев:

– В результате охранно-спасательных работ, в рамках создания музея Петра I в колонном здании (прямоугольное открытое здание с колоннами), проводились раскопки.

Возведено оно было в конце XIX века. Сведения о дате и архитекторе не сохранились. Мы исследуем архивные материалы и литературные источники о пребывании Петра I в Дербенте. Сохранилось несколько гравюр. На ранней гравюре

изображены пирамидальные колонны с российским гербом (двуглавыми орлами). А между колонами – металлическая ограда и две пушки.

Этот комплекс был возведен в 1848 году по приказу кавказского наместника Воронцова. Его видел и Александр Дюма. С фасадной стороны к главным колоннам были прикреплены две плиты. На первой была надпись о времени пребывания Петра Великого, а на второй – дата строительства мемориального комплекса. Но спустя примерно 50 лет мемориальный комплекс перестроили. Вокруг полуземлянки возвели новую колоннаду с крышей. На фасаде была надпись «Место отдохновения императора Петра Великого, 23 августа 1722 года». Землянка Петра I в тот период сохранилась. Есть фотографии начала 20-го века. У входа стояли два часовых. Между колоннами просматри-

О том, что полуземлянка была разрушена, свидетельствует уникальный рисунок, сделанный Аскаром-Сарыджа и относящийся к двадцатым годам прошлого века. Рисунок хранится в Дагестанском государственном музее им. Тахо-Годи. На нем изображены внутреннее пространство комплекса, разрушенная землянка. Художник запечатлел разбросанные камни, остатки стен, подчеркивающих прямоугольную форму полуземлянки.

ваются контуры двускатной крыши.

Потом разрушенное жилище Петра I, по всей видимости, засыпали грунтом, а мемориальный комплекс был превращен в хозяйственное

сооружение. В одно время там находился и бондарный цех. Затем сооружение перешло в частную собственность, хозяева перепланировали

его в частный дом, построили стены между

колоннами и установили окна.

При реставрации стены между колоннами были убраны. Мы наблюдали за реставрационными работами, там было несколько наслоений, полы разных времен.

Перед началом проведения раскопок у нас были опасения: а остались ли фрагменты петровской хижины? Тщательно проведенные раскопки и изучение обнаруженных остатков полуземлянки позволили определить разме-

ры и конструктивные особенности жилища императора. Частично полуземлянка была врыта в грунт, а частично возвышалась и имела деревоземляную двухнакатную крышу. Здание было двухкомнатным, общей площадью примерно 8 на 5 метров. Мы зафиксировали три уровня глинобитного пола, отвечающих его периодам функционирования. Самый нижний – начала XVIII века, верхние – более поздние. Также

мы зафиксировали ямки от двух центральных столбов. Сами столбы были убраны или сгнили. Землянка была сложена из обработанных и полуобработанных бытовых камней на глиняном растворе. Высота сохранившихся стен 50-60 см.

Находки, связанные с функционированием полуземлянки, укладываются в диапазон XVIII-XIX вв. Это монеты начала XVIII века и второй половины XIX века, обломки фарфоровой чаши известного фарфорового завода Товарищества Кузнецова, тарелка с кобальтовой росписью.

По словам Муртазали Серажутдиновича, найдены керамическая глиняная курительная трубка образца турецких трубок с деревянным чубуком, а также свинцовая пуля от кремниевого пистолета. В нижнем уровне были найдены еще 2 монетки – полушки, четверть копейки. Тип их чекана – 1718-1722 годы. Эти находки позволяют смело утверждать, что они относятся ко времени Петра I. На одной из полушек сохранилась дата - 1721 год. Землянка долго функционировала, она была посещаемым мемориальным местом. Имеются свидетельства посещения этой землянки наследником российского престола великим

князем Александром Николаевичем Романовым в октябре 1850 года, великими князьями Михаилом Николаевичем и Николаем Николаевичем в сентябре 1858 года, российским императором Николаем II в 1914 году, когда он отправлялся на южный фронт в начале Первой мировой войны.

Нет ничего удивительного в том, что Петр I мог жить в землянке, – ведь он был и плотником, и столяром, и кораблестроителем. Сохранилось изречение Петра I, записанное его современником Нартовым, о том, что император во время строительства столицы, взглянув на свою хижину, сказал: «От малой хижины возрастает город».

Сколько времени пребывал император в Дербенте? Мы точно не знаем, но считается, что 3 дня. Затем он выехал к реке Рубас к югу от Дербента, а в сентябре уже двинулся обратно в Астрахань, и затем в Санкт-Петербург. Первую ночь, вероятно, он провел в этой хижине.

Есть непроверенные свидетельства, кото-

рые обрастали легендами, что император жил в доме наиба Имама Кули-Бека, в цитадели, якобы там он прорубил окно в Азию, в Индию. Есть данные, записанные визиром Мирзой Хейдаром, что когда Император подходил к воротам Дербента, случилось землетрясение. И якобы Петр I, обратившись к жителям, сказал: «Сама природа делает мне торжественный прием и колеблет стены города перед моим могуществом». Наиб Дербента, вся знать города, а также дербентский люд вышли за версту встречать императора,

поднесли ему серебряные ключи от города, которые хранятся в Кунсткамере, и рукопись «Дербендъ-наме». В самом Дербенте он провел торжественный парад войск и другие мероприятия.

С пребыванием в Дербенте первого императора связано и изучение истории древнего города. Походную канцелярию Петра I возглавлял знаток восточных языков (арабского, персидского, турецкого) князь Дмитрий Кантемир. Он занялся изучением памятников Дербента, описал некоторые его достопримечательности. В том числе и кладбище «Кирхляр», ворота «Баб

аль-Кияма», в переводе с арабского – «Ворота Судного дня», архитектурные памятники, за-

фиксировал несколько надписей, в том числе две среднеперсидских и несколько арабских куфических надписей. Это было достопамятное событие в истории Дербента.

Сведения о днях, проведенных Петром I в Дербенте, не отражены в дневниках того времени. Как раз над этим мы работаем. Петр хотел сделать из Дербента южный оплот империи, задумывал построить здесь гавань, расширить выращивание такой сельскохозяйственной культуры, как виноград. После его похода были присланы виноградари

из Венгрии.

Сохранилась масса монографий, посвященных каспийскому походу Петра I, но нет исчерпывающего материала о его пребывании в самом Дербенте. Имеются некоторые газетные публикации, но нужен добротный материал, подкрепленный не только легендарными сведениями, но, прежде всего, фактами об этом историческом событии.

На фото: домик Петра I, находки на месте археологических раскопок.

Влада Бесараб

БАЛЕТ О ЛЮБВИ И СВОБОДЕ

И сквозь покой пространства мирового До самых звезд прошел девятый вал ... Откройся мысль! Стань музыкою слово, Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!

Николай Заболоцкий. «Бетховен»

В Дагестанском государственном театре оперы и балета состоялась премьера двухактного балета «Людвиг Ван Бетховен. К бессмертной возлюбленной» в постановке заслуженного артиста России Мусы Оздоева.

В этом спектакле режиссер, являющийся также автором либретто, продолжает размышлять на тему противостояния художника и общества, свободы и несвободы (творческой, прежде всего), долга и чувства. Таким образом, «К бессмертной возлюбленной» является логическим продолжением серии лирических балетов, уже занявших свое место в репертуаре театра, – «Поэт и муза», «Гамлет», «Ромео и Джульетта». Сюжет здесь также играет второстепенную роль, поскольку главный конфликт – внутренний, а не внешний. Хотя и потрясений извне

герою хватает. В основе истории, разворачивающейся перед зрителями, лежат подлинные факты биографии великого композитора-романтика («за кадром» звучат строки из писем Бетховена к неизвестной, которые были найдены после его смерти), но это все-таки рассказ о судьбе художника вообще.

Режиссер намеренно не использует приемов, которые бы придавали исполнителю заглавной партии портретного сходства с Бетховеном (делясь впечатлениями, некоторые зрители, кстати, говорили, что им не хватало хотя бы парика, повторяющего знаменитую бетховенскую всклокоченную шевелюру). Это было бы слишком грубо, потребовало бы конкретики в декорациях и, в конечном счете, авторский замысел утонул бы в мелочах. Поэтому декорации

здесь очень условны, но при этом много внимания уделено деталям. U, конечно же, музыке.

Муса Оздоев, помимо безусловного таланта хореографа, обладает отличным музыкальным вкусом и каким-то удивительным талантом преподносить хорошо известные, а порой и затертые до неприличия от частого употребления, звучащие «из каждого утюга» произведения совершенно по-новому (вспомним его балеты «Энигма» и «Чарли – великий маг», которые вообще состояли из «примитивных» эстрадных хитов). Вот и здесь музыкальный ряд построен сплошь из хрестоматийных сочинений, начиная от «5 симфонии» (та самая, которая «та-да-да-дам») и «Лунной сонаты» и

заканчивая «Патетической сонатой» и «К Элизе». Они словно очищены от шелухи пошлых рекламно-рингтоновых ассоциаций и не то, чтобы по-новому звучат, но открываются заново, сияют и переливаются своей подлинной красотой.

В заглавной партии (Бетховена) – Арсен Курбанмагомедов. Мы уже не раз писали об этом талантливом молодом танцовщике. А не так дав-

но его талант был оценен на официальном уровне: почти одновременно Арсен получил заслуженного звания артиста Дагестана и заслуженного артиста Ингушетии. Курбанмагомедов также пробует себя на педагогическом поприще – преподает современный танец в Дагестанском колледже культуры и искусств им. Б. Мурадовой. Что касается его работы в новом спектакле, то здесь он в полной мере оправдывает все свои звания. Прыжки – сильные и эффектные, поддержки – уверенные, он отлично чувствует музыку, не сбивается с темпоритма и удерживает зрительское внимание не только собственно танцем, но и драматической игрой. Сюжет выстроен таким образом,

что Бетховен уходит за кулисы лишь однажды: как раз звучит «9 симфония» и перед зрителем разворачивается грандиозная массовая сцена. Все остальное время артист даже если не танцует, то все равно находится на переднем плане, и здесь очень важно не выйти из образа, что Курбанмагомедову в полной мере удается.

Помимо заглавного героя большую эмоционально-смысловую нагрузку несет и образ его возлюбленной. Точнее, эта нагрузка распределена сразу на несколько женских партий. Помимо собственно Возлюбленной (о ней чуть ниже), героя окружают музы: Муза Вдохновения, Муза Совершенства и Муза Революции. Первую танцует заслуженная артистка Дагестана Бадрижат Адамова. Партия объемная, требующая в том числе чисто актерской игры, но перед Адамовой стоит куда более сложная задача. В последней части спектакля из лирической героини, из томной красавицы ей необходимо

перевоплотиться в одного из четырех «всадников Апокалипсиса» – именно так эти образы значатся в либретто. Странные существа - Красный, Черный, Белый и Золотой (тут важно помнить, символизирует каждый цвет) – то ли плод воспаленного мозга композитора, то ли действительно посланники темного мира. Вместе со своей свитой они терзают героя, неся разрушение и смуту. Хореография соответствующая - это уже не классический танец, а модерн, с резкими выпадами, «рваными» бешенным Даже чисто физически перестроиться тяжело, но тем интереснее такая задача для актера. И Бадрижат Адамова ее решает, выстроив два

> совершенно противоположных ярких образа. Опыт, что ни говори.

> Роли других муз в разных составах поочередно исполняют Джамиля Курбанова и Джамиля Алибекова. У Совершенства сложная прыжковая партия, особенной в той части, где звучит знаменитое бетховенское «К Элизе» - все три минуты на пуантах, в быстром темпе, с массой мелких движений. В версии, виденной автором этих строк, эта партия досталась артистке Курбановой, и исполнила она ее очень хорошо. Для нее это определенно новый уровень.

движениями,

темпом.

Джамиля Алибекова, как и положено по сюжету, несет революционные настроения в мас-

сы буквально: в отличие от других муз она взаимодействует не столько с главным героем (хотя и с ним, разумеется, тоже), сколько с кордебалетом. Она закручивает весь этот вихрь революции, проносящийся по сцене, подчиняя его себе и воспаряя (в том числе и в прямом смысле – в высоких поддержках) над ним.

Безусловное открытие спектакля – Евгения Калинтеева, которой и досталась роль Бессмертной Возлюбленной художника. По словам самой Евгении, работая над ролью, она читала биографию Бетховена, смотрела фильмы, но больше всего ее вдохновля-

ла музыка. «Образ Возлюбленной – собирательный, это и фея, и муза, и в то же время в

ней воплощены реальные любимые женщины, окружавшие композитора, – рассказывает Ев-

гения. - Неуловимость, эфемерность показана в самом рисунке танца: она то приближается к герою, то отдаляется, порхает, исчезает и появляется». Танцовщица также отметила, что самым сложным моментом для нее была высокая поддержка в самый кульминационный момент «17 сонаты»: «Я очень благодарна Арсену Курбанмагомедову, замечательный партнер - тактичный и терпеливый, мне по неопытности еще не все удается, но он никогда не выражает недовольства, наоборот, старается помочь, объяснить и очень аккуратно приземляет с под-

держки». Молодая артистка работает в театре чуть больше года. Со стороны режиссера было

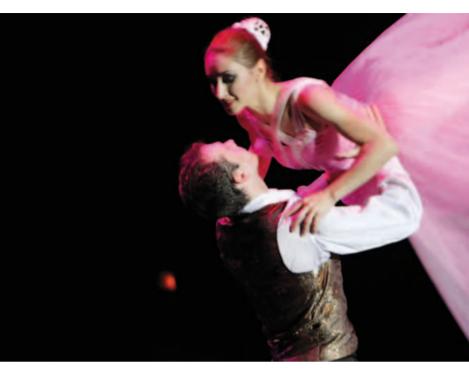

большой авантюрой доверить едва ли не главную женскую партию дебютантке, он рискнул – и не проиграл. Потрясающая грация, невероятная нежность, обаяние – безупречное попадание в образ! И как ей идет эта классическая белая шопеновка, делающая ее тонкую фигурку еще более хрупкой и воздушной.

При почти полном отсутствии декораций костюмы становятся едва ли не главным смысловым элементом визуального ряда спектакля. Поэтому их много, и они очень разные. В итоге «картинка», которую видят зрители, получается очень выразительной. Некоторые костюмы предельно простые – в основном это касается солистов, ведь они «рассказывают историю»

с помощью пластики, драматической игры, и одеяние здесь – далеко не основное выразительное средство, оно не должно отвлекать, перетягивать внимание на себя. А вот в массовых сценах, напротив – костюмы насыщены деталями. Здесь важна символика цвета (например, в сцене революции они решены в цветах французского флага), фактура, и то, как это все кружится, струится и ниспадает при синхронном движении всей массовки. Уже в самом начале герой, погруженный в свои переживания, выливающиеся в сочинение музыки, окружен чернобелыми фигурами. Они, словно клавиши рояля под умелыми пальцами музыканта, подчиняют-

ся ему, выстраиваясь в правильные фигуры. Все четко отлажено и гармонично. Звучит увертюра «Эгмонт». К финалу игра контрастов максимально усиливается: гармония превращается в хаос и уже не понять, где черное, а где белое, где добро, а где зло. Напряжение нарастает, звучит «5 симфония». Кажется, еще чуть-чуть и Бетховен сгинет в этом фантасмагорическом видении, окончательно сойдет с ума... но появляется Бессмертная Возлюбленная и спасает художника, уводя за собой в мир вечной гармонии.

Фото Руслана Алибекова

«Анна Герман»

(Отрывок из повести «Аллах все видит»)

(Продолжение. Начало в № 12 за 2014 г. и № 1 за 2015 г.)

 Что так долго задержалась? Халабе плохо было? – спросила Аматулла, заглядывая в глаза дочери.

– Нет, мама, нет. Чуть спина побаливает. Сама чувствует себя лучше нас всех! Приветы тебе, папе, братику передала. Даже ослику нашему, – задорно ответила дочь.

– Баркалла ей, передавшей приветы, и тебе, принесшей их. Чем до сих пор занималась?

Вместе ужин готовили. Вкусный-вкусный.
 Но хабары ее были еще вкуснее! – засмеялась Култум.

- Какие хабары?

– Папу и Амира хвалила за дрова.

– Это разве хабары?

– Рассказывала, как в детстве бродячая собака укусила ее, и она со страху потеряла голос, а бабушка повела в лес и вылечила.

– Это правда. Все знают об этом.

– Еще о том, какой большой лентяйкой была она, когда выдавали ее замуж, но родители мужа научили ее работать.

 Но это она сочиняет – предостерегает тебя от безделья.

– Я тоже так сказала, мама! Так сказала!

- Ну хорошо. Иди садись за уроки.

У дверей своей комнаты встретив Амира, порывисто обняла его, подняла над полом и закружилась:

Вай, как люблю тебя я, брат мой! Как люблю!

Отпусти! – пытался вырваться Амир, не привыкший к нежностям.

- Знаешь, кто тебя так сильно-сильно любит?

– Ты уже сказала. Отпусти!

– Нет, не сказала. Вернее, сказала. Правда, что я тебя люблю, но еще большая правда, что тетя Халаба тебя любит! Тетя Халаба! Ха-ла-ба! – орала Култум, целуя брата то в щечку, то в лоб, то в нос...

– Абдал ты! Абдал! – Амир вырвался из рук сестры и, вытирая лицо рукавом, убежал.

«Пусть я абдал, но мне хочется всех-всех обнимать и говорить, какие они хорошие-хорошие...» – тихо бормотала Култум, рассеянно листая учебник. Но ни один урок не лез в голову.

Не помнила, когда легла, как долго спала, что снилось, но в школу пошла с удовольствием – как на праздник. Ей казалось, у всех все хорошо, как и у нее, все счастливы, как и она. А все из-за того, что тетя Халаба говорила с ней не как с какой-нибудь сопливой девчонкой, а как со взрослым человеком... Хотеть быть взрослым – это одно, но почувствовать себя таковым – совсем другое...

Увидев Кизтаман в конце коридора, Култум устремилась к ней, горя желанием поделиться, рассказать о вечере с тетей Халабой. Но по искрящимся васильковым глазам и разинутому рту Кизтаман она поняла, что та не расположена слушать ее, более того – сама первой напрашивается на разговор.

- Ну как тебе? - спросила она, жеманясь.

– Что как? – тупо уставилась Култум.

- Прическа моя?

Култум только теперь обратила внимание, что Кизтаман сделала себе челку, закрывающую лоб до бровей, но и волосы ее казались теперь темнее и глянцевитее, чем брови: красившая волосы парикмахерша, видно, не придала этому значения. Да и лицо ее стало неестественно красивым: увлеклась макияжем. Кизтаман уговорила родителей согласиться на новую прическу под предлогом, что ей нужно играть роль девушки-модницы в художественной самодеятельности школы, хотя самодеятельности этой самой еще не было.

– Ах, да, хорошо, – виновато произнесла Култум, сама себе противореча: прическа не нравилась ей, но она не хотела разочаровывать ее.

- А ты новый хабар слышала? все так же беспечно улыбалась Кизтаман.
 - Какой?
- Пугач вернулась к Кирку, а Галка вызвал его на дуэль. Теперь оба лежат рядом раненые, а поющая женщина проливает над ними слезы: из правого глаза на Кирка, из левого на Галку... Хи-хи-хи, ха-ха-ха! звонко засмеялась Кизтаман, на ходу сочинившая байку, и покинула Култум.

От веселого настроя Култум и следа не осталось: хрупкое счастье скороспелой любви к жизни разбилось об камень равнодушия и беспечности.

На уроках Култум сидела тихая и придавленная, никого не слушая и ничего не понимая.

В открытое окно влетела бабочка-крапивница с желто-бело-темными крыльями и стала проделывать сальто-мортале перед учительницей.

Не мешай! Дурочка! – отмахивалась учительница.

Смех, шепот и гул пронеслись по классу.

Вспомнив картину Максуда с бабочкой и малышом, Култум уронила голову на руки, скрещенные над учебником, и тихо заплакала. Никто на это не обратил внимания. Сейчас ей больше всего на свете хотелось встретиться с Максудом: вот кто выслушал бы ее, кто был бы рад ей! Тем более, у нее есть что сказать ему: как тетя Халаба восхищается им и верит в него. Но как пойти к нему? Под каким предлогом? Может, Кизтаман попросить? Нет, нет, все испортит, превратит в базар...

Что делать?

Не владея собой, она наспех сложила учебники и тетради в самодельную сумку и, не отпрашиваясь у учительницы, ушла с урока. Ее не занимало, что подумают о ней одноклассницы, что скажет придирчивая учительница...

По дороге она все думала о том, как бы сделать так, чтобы никто не узнал, что она пошла к Максуду, и чтобы сам он ни в чем не заподозрил ее.

Култум чуть не ахнула от удивления и радости, вдруг вспомнив, как тетя Халаба перед ее уходом предлагала яблоки и груши для Максуда. А она тогда сказала:

– Нет, нет, тетя Халаба! Зачем вам беспокоиться? Папа только сегодня (хотя и было это позавчера!) собрал их с деревьев, я отнесу ему от вашего имени... У нас их много... Как ни уговаривала тетя Халаба, она не уступила, считая, что делает ей одолжение.

Поделившись с матерью, Култум собрала в пакет яблоки и груши и сказала, приняв беспечный вид:

– Я мигом, мама! Туда и обратно! – И помчалась, словно на крыльях, к Максуду.

В тот момент, когда взбаламученная Култум покинула школу, картина с малышом и бабочкой, прислоненная к стене, магнитом притянула к себе взор Максуда, и он невольно представил девчонку в белом с черной косой за спиной, сидящую на корточках перед ней. Он схватил альбом и карандашом наспех, словно боясь что-то упустить, набросал эскиз рисунка. Решив написать картину, отложил альбом и задумался: «Могу и по памяти написать, но было бы хорошо, если бы Култум согласилась позировать. Но вряд ли: она взгляд мой за спиной не выдержала и тут же обернулась... Может, Кизтаман уговорит ее? Чертовка эта все может, если захочет. Нет уж. Нет. Разболтает всем... Надо написать так, чтобы до окончания картину никто не видел ... »

Представив Култум, какой запомнил с первого взгляда (большие янтарные глаза, родинка-чечевичка, густая черная коса, соловьиный голос), он досадливо покачал головой и проговорил вслух:

– Тех-тех-тех... Зачем я на десять лет позже не родился?

Щемящая грусть и тягучая тоска стали одолевать его. В такие минуты он находил отдушину, слушая песни Анны Герман. Включил бумбокс, расслабился в кресле: вытянул руки-ноги, запрокинул голову на спинку кресла и закрыл глаза.

Задушевно-мягкий голос Анны Герман звучал, как колыбельная песня матери в далеком детстве:

Вот идет по свету человек-чудак, Сам себе тихонько улыбаясь. Видно, в голове какой-нибудь пустяк...

– Пустяк, пустяк ... иначе не говорил бы, зачем на десять лет позже не родился ... – пробормотал Максуд, привыкший в одиночестве говорить с самим собой.

А голос Герман продолжал звучать:

С сердцем, видно, что-нибудь не так...

– Не так, не так ... – бубнил Максуд. А голос Герман продолжал звучать:

Приходит время, с юга птицы прилетают, Снеговые горы тают и не до сна. Приходит время, люди головы теряют...

– Теряют, теряют, – кивал головой Максуд. А голос Герман продолжал звучать:

И это время называется весна.

Не знаю, как называется, но все так, именно так ... – шептал Максуд.

А голос Герман продолжал звучать:

Сколько сердце валидолом ни лечи, Все равно сплошные перебои. Сколько тут ни жалуйся, ни ворчи Не помогут лучшие врачи.

– Анна! Пожалуйста, замолчи! – вскрикнул Максуд, и сам испугался своего голоса.

Притихнув, в полудреме он стал слушать одну песню за другой.

Тем временем Култум, войдя во двор и поднимаясь по каменной лестнице на второй этаж, услышала таинственный голос любимой певицы и невольно приостановилась, опираясь левой ногой на нижнюю ступеньку, правой ступив на следующую и держа на весу в чуть вытянутой руке пакет с яблоками и грушами. Из-за слегка

приоткрытой двери (недавно кот Рыжик вышел на прогулку, одному ему лишь понятным способом проскользнув в двери) комнаты Максуда доносился сладостно-щемящий голос Анны Герман:

Гори, гори, моя звезда. Гори, звезда приветная. Ты у меня одна заветная, Других не будет никогда.

Заслышав голос этой певицы, Култум, где бы ни находилась и чем бы ни занималась, тут же замирала и, затаив дыхание, внимала призывному голосу, насквозь пропитанному неземной тоской. Было такое ощущение, что поет не кто-то, находящийся далеко от тебя, а переместившийся в твою душу, завладев твоим существом.

«Вай, как здорово: неужели и Ему нравятся те же песни, что и мне?!» – зарницей мелькнула мысль в голове Култум, но голос Анны не дал ей развиться:

Сойдет ли ночь на землю ясная, Звезд много блещет в небесах, Но ты одна, моя прекрасная, Горишь в отрадных мне лучах.

«Неужели и Герман, как я, любила звезды? И Максуд любит?!» – терялась в догадках Култум, настроившись на гармонию с Вселенной. А вся Вселенная для нее сейчас – это Анна Герман и звезды, Максуд и она ... Она растворилась в голосе Анны, в котором сияли звезды, как для нее, так и для Максуда.

Приходя в себя, она переступила еще одну ступеньку, но голос Герман остановил ее:

Звезда надежды благодатная, Звезда любви волшебных дней, Ты будешь вечно незакатная В душе тоскующей моей.

Сосущая тоска пронизывала манящей надеждой, и в душу закрадывалось заветное желание жить в этом заманчиво-тревожном мире. Словами это не объяснить, но Култум интуитивно догадывалась, что то же самое отдается эхом в сердцах и в головах Максуда и всех тех, кто слушает Анну Герман.

Вздохнув, переступила она еще одну ступеньку, но голос Герман вновь заставил ее замереть:

Твоих лучей небесной силою Вся жизнь моя озарена. Умру ли я – ты над могилою Гори, гори, моя звезда!

Тоска и боль, отчаяние и надежда, перемежаясь и борясь друг с другом, вселялись в неопытную душу Култум, делая ее не по-детски задумчивой и вознося перед самой собой. От слова к слову, от строки к строке, от строфы к строфе голос певицы отдавался в ней все отчетливей и пронзительней, и она всем существом своим превращалась в благозвучную протяжную песню. Сама того не осознавая, она почувствовала вкус одухотворенной жизни. Так и хотелось, чтобы голос Герман не переставал повторять: «Гори, гори, моя звезда!..»

Но голос ее растаял, продолжая отдаваться перекатным эхом в тайниках смятенной души.

Досадно вздохнув, Култум переступила последнюю ступеньку и растерянно остановилась на лестничной площадке. Она не понимала, где находится, что с нею происходит, что надо делать. Хотелось плакать. Но не от обиды или горя, а от быстротечного счастья, что на свете есть такие люди, как Анна Герман, умеющие так влиять на души людей...

Неведомо, как долго простояла бы еще она в такой прострации, не услышь вдруг напугавшее ее громкое «апчхи» Максуда.

 Арадих! – невольно воскликнула она и, словно воспрянув ото сна, рванулась к Максуду.

Он сидел в кресле-коляске, повернувшись вправо, и менял диск в бумбоксе, стоящем на табуретке. На звук открывавшейся двери поднял голову и, увидев ее, уронил диск: перед ним в темно-синем платье в белый горошек, с тугой косой на груди и черно-белым пакетом в руке очумело стояла Култум! Большие янтарные глаза выражали удивление и страх. Родинка-чечевичка на щеке задергалась. Маленький пухлый рот дрожал в тщетной попытке что-то сказать.

Нутром своим он догадывался, что она не сейчас пришла к нему, а присутствовала где-то рядом и объявилась как для него, так и для нее самой неожиданно.

Увидев врезавшийся в память при первой встрече высокий лоб с пышной шевелюрой, задумчивые агатовые глаза и красивую бороду, Култум готова была броситься к Максуду и обнять его как старшего брата, которому желает скорейшего выздоровления. Но как брата ли обнимет она его?! Ей стало неловко за себя: что подумает он о ней?!

То ли поняв ее, то ли и сам того желая, Максуд поднял было навстречу ей руки, как она уронила на них пакет с фруктами. Он еще не успел сообразить и оценить, как, наравне с правой, впервые поднялась и левая рука.

- Это от тети Халабы! выпалила Култум и сбежала, как нашкодившая кошка.
- Култум! Куда ты? Вернись! закричал Максуд, не обращая внимания на то, как выпал из рук пакет и груши с яблоками величиной в грецкий орех рассыпались по полу.

Но Култум была уже за воротами.

Подбирая яблоки и груши, Максуд поймал себя на том, как сладкая улыбка охватывает все его существо: хотя Култум принесла фрукты от имени Халабы, они были не с ее, а с их деревьев; зеленые яблоки с красными прожилками и желтые груши с темными крапинками в ауле были только у Алихана. Ему приятно было сознавать, что это проделки Култум.

«А чего она так испугалась и убежала? – думал Максуд. – Видно, девчонка еще! Теперь мне все равно ни на ком не жениться. Да и вряд ли кого-нибудь и полюблю. Девчонка эта просто запала в душу. Но что толку-то?

А почему нельзя любить просто так? Не как невесту или будущую жену, а как близкого по духу человека, как близкого друга? Думать тепло и светло о другом, желать ему добра и счастья, не говоря ему об этом ничего, – разве это менее благородно, чем объясняться и клясться в любви? Тем более, когда ты не ждешь ответного чувства, подавляешь в себе животный эгоизм?

Как-то раньше не думалось об этом.

И сейчас, как ни странно, мне хочется выздороветь не только ради себя, но и для того, чтобы порадовать эту девчонку, хочется сделать что-то такое, что удивило бы ее – чужого для меня человека. Но чужого ли?»

Ма-а-ама! – закричал вдруг Максуд, сам себе не веря: он подбирал фрукты обеими руками!

Саид Ниналалов

Из жизни аула мастеров

Устарчи – аул мастеров, прославился на весь мир своей уникальностью. О всемирной известности своей малой родины знает и искренне верит в это каждый устарчанин. В любом месте, где может наблюдаться скопление книг – в книжном магазине, в библиотеке, в чьей-то домашней коллекции, – устарчанин сразу ищет либо альбом с изделиями мастеров из Устарчи, либо энциклопедию, в которой этот аул упоминается.

Действительно, аул на свой лад уникален. Конечно, издревле в каждом городе и в каждом большом селе были свои кварталы мастеров – кузнецов, ювелиров, гончаров, обработчиков дерева и камня. А в Устарчи мастера все. Весь старый аул состоит из таких кварталов мастеров. За последний век аул сильно разросся, появился так называемый нижний аул на другом, пологом берегу Большой реки, в котором селятся не мастера, а те, кто перебрался сюда из окрестных аулов. Это строители, маляры, плотники, те, кто строят новые дома для верхнеаульцев, те, кто печет хлеб, работает в местной больнице и в других официальных учреждениях.

АПРЕЛЬ 1975. МУЖ НЕ ЗВОНИЛ?

В годы Советской власти на всю страну славился Устарчинский художественный комбинат, где работало все население аула: женщины весело вязали теплые носки – джурабы, работал и ковровый цех; мужчины занимались ювелирным мастерством, насечкой на дереве, медночеканным и гончарным делом. Из Анжи-Калы ежегодно поступали заказы на продукцию, оттуда же приходили сырье и деньги на заработную плату. Советская форма хозяйствования не имела никакой логики – точнее, имела свою, никому не понятную логику. Сегодня, чтобы получить деньги, надо сделать и продать что-нибудь. А в

те годы все было проще. Получай заказ и деньги, и только после этого ты делаешь продукцию. А купят ее или она останется где-то на складе вечным укором социалистическому методу хозяйствования, никого не волновало.

Не так давно умер старый директор Мамма, оставив жену Аллиш и пятерых детей, живущих по всему Союзу – от Москвы до Фрунзе. В Устарчи оставалась одна Аллиш. К детям, конечно, она ездила не раз понянчить внуков, но оставаться у них и жить с невестками ей не хотелось.

Каждый день она шла за водой в определенное время мимо базарной площади, где располагался и годекан. В Устарчи годекан отличается от своих аналогов в других аулах. Годекан — это не место сбора всех мужчин-аульчан, это больше место для досужих стариков, которым скучно сидеть дома, и бездельников, которые не хотят заниматься работой. Устарчи — аул, где мастера после дневной работы на комбинате, продолжают работать и дома, просто так проводить время испокон веков без дела не принято.

* * *

На годекане любил засиживаться старый бухгалтер Нурудин. Он любил выпить в маленьком сельском магазинчике напротив или у кого-нибудь в гостях, а потом, прежде чем вернуться домой к своей гневливой Аминат, приходил в себя на годекане в разговорах и сплетнях.

– Аллиш, здравствуй, как твои дела?

Аллиш с большим кувшином «мучъалом» за спиной и маленьким в руке, ничего не подозревая, остановилась.

- Все хорошо, спасибо, ответила она.
- Как там Мамма, не звонил оттуда? спросил, улыбаясь своей шутке, Нурудин.

Телефоны в Устарчи тогда были редкостью. Их было несколько – в сельсовете, на комбинате и дома у директора комбината, председателя

сельсовета и депутата Верховного Совета СССР, известного на всю страну мастера Алихана Расулова. И аульчане еще не привыкли к тому, что можно услышать далекого родственника через треск и шорох помех.

Аллиш смешалась, покраснела и ушла, опустив низко голову, ничего не ответив. Ее провожал громкий смех довольного Нурудина.

С тех пор не стало житья бедной Аллиш. Где бы ни встретил ее Нурудин, он спрашивал:

– Ну что, Мамма не позвонил? – Воздев указательный палец правой руки вверх, он показывал, откуда следует ждать звонка покойного Маммы.

* * *

В очередной четверг, когда схлынул вал продавцов и покупателей на устарчинском базаре, Нурудин, уже слегка на взводе, устроился на годекане перемалывать косточки соседям с такими же, как он, любителями поговорить.

Проходивший мимо Алихан подошел поздороваться. Не успел он отойти, как показалась старенькая Аллиш, идущая за водой. Завсегдатаи годекана заулыбались, ожидая очередную потеху. Аллиш, заметив Нурудина, опустила глаза и ускорила шаг. Алихан почувствовал какоето напряжение в воздухе и остановился.

 Здравствуй, Аллиш, как твои дела? – почти нараспев привычно начал Нурудин.

Аллиш не могла не ответить, хотя знала, что за этой фразой последует.

- Здравствуй, Нурудин, спасибо, все хорошо,– прозвучал неуверенный слабый голос.
- Ну, наверное, хотя бы сейчас наконец позвонил оттуда твой муж Мамма? – Палец Нурудина привычно устремился вверх. – Что он сказал? Что он передал?

Не успела Аллиш обиженно отвернуться и молча продолжить свой путь, как Алихан ответил назойливому шутнику-бухгалтеру:

- Нурудин, не знаю, что он сказал Аллиш, но он мне звонил!
- Что ты говоришь, уважаемый Алихан! опешил Нурудин. И что он сказал?
- Мамма сказал, чтобы я передал тебе, что пришло время сдавать финансовые отчеты, и чтобы я отправил тебя к нему, ответил Алихан.

С этого дня шуток Нурудина Аллиш не слышала.

ОКТЯБРЬ 1989. ПРОЩАНИЕ С ВОЖДЕМ

Бахмуд учился на стоматолога. Постоянно слыша разговоры об очень больших взятках, которые берут за устройство в Дагестанский медицинский институт, он в свое время решил и не пытаться туда поступать. Последние два года учебы в школе Бахмуд занимался всерьез. Он засиживался за учебниками допоздна. Культ знаний, оставшийся у старшего поколения семьи, не позволял отцу пенять сыну на то, что тот меньше уделяет времени мелким домашним хлопотам. Младшим братьям даже доставалось от мамы, когда они слишком шумели в своих незатейливых детских играх.

Вопрос о выборе специальности не стоял. В Устарчи котировалось очень мало специальностей. Чтобы иметь хорошее будущее, ты должен был стать ювелиром, врачом-стоматологом, часовщиком или зубным техником. В каждом городке в Средней Азии в маленьких будках – мастерских по ремонту ювелирных изделий, часовых мастерских, и в каждой стоматологической поликлинике без устали работали выходцы из Устарчи. В те годы это была элита. Летом в традиционный период свадеб они приезжали в родной аул и поражали сельчан своими рассказами

о невероятных доходах, которые в Азии просто падают с неба.

На выбор специальности Бахмуда повлиял также афронт старшего брата Гаджи в матримониальных делах. Гаджи окончил биологический факультет Дагестанского государственного университета, затем – аспирантуру, защитил кандидатскую и преподавал там же, в университете. Летом, приехав в Устарчи в сезон свадеб, он долго приглядывался к хорошенькой Наиде – седьмой, младшей дочери из семьи Абакаровых, которая еще оставалась дома. Все старшие были замужем и разбросаны по городам огромного Советского Союза.

Гаджи, по одному ему понятным намекам, которые он увидел в том, как вскидывала на него глаза хорошенькая Наида, решил попытать счастья. Родители его были в тот момент в Анжи-Кале, и он решил сам подойти к ее отцу, рассказать о себе и как-то обозначить свое желание. Зайдя в дом хорошенькой Наиды, поначалу он встретил теплый прием. За чаем Гаджи разговорился, начал рассказывать о своей кандидатской, об очень интересной на его взгляд науке биологии. Тут настроение потенциальной тещи изменилось, и она прервала его излияния:

– Гаджи, у нас есть зятья ... – Она говорила сначала тихо, но каждое следующее слово звучало чуть громче предыдущего, и в конце слова падали как гвозди, которые вбивались в крышку гроба его несбывшейся надежды. – У нас есть зятья и кандидаты наук, и часовщики, и ювелиры, и даже один зубной техник! «Зубной техник» в ее устах прозвучал вершиной чело-

веческой эволюции, пределом, к которому надо стремиться, и от которого незадачливый Гаджи был невероятно далек.

* * *

Как Бахмуду удалось уговорить родителей отпустить его в «опасную» Москву, это отдельная история. Для жителя Устарчи Москва – всегда город, полный аферистов и бандитов, готовых обмануть несчастного, ничего не понимающего и никого не знающего в огромном мегаполисе горца.

– У нас нет там кунаков, где ты в Москве переночуещь? – сетовала мама. – Кто тебе будет помогать на экзаменах?

Но время было переходное, шел разгар перестройки, время социализма «с человеческим лицом». Лицо не спасло ни социализм, ни страну, в которой мы все когда-то жили. Но на какой-то непонятной волне Бахмуд поступил в Третий Московский Медицинский институт, с одной тройкой по русскому языку. Строгий экзаменатор долго выяснял, где находится Анжи-Кала, и успокоился только тогда, когда Бахмуд нарисовал вкривь и вкось карту Каспийского моря и указал весьма приблизительно на ней точку в районе Астрахани.

Два года Бахмуд отучился, освоил свой район Москвы, Делегатскую, кусочек Садового кольца. Бахмуду казалось, что Москва – это только огромное черное переплетение линий метро и острова светлой жизни у выходов на поверхность. Каждое лето Бахмуд приезжал домой, в Устарчи. И раз-два в месяц он ходил на одну и ту же почту позвонить домой, заказывал переговоры и часами ждал, когда дебелая женщина с землистым лицом выкрикнет:

– Анжи-Кала, четвертая кабина.

На той стороне телефонного провода, уже в Устарчи была старая глуховатая телефонистка Аминат, которая сначала долго терзала Бахмуда выяснением:

– Кто звонит? Кто тебе нужен? – и заканчивала разговор словами: – Что ты хотел? У них телефон не работает! Расскажи мне, я схожу им передам!

Каким-то чудом через раз Бахмуд пробивался к родителям, и мама начинала выспрашивать его, как он живет, не ухватила ли его какая-нибудь москвичка? * * *

На третий год мама решила приехать посмотреть, как там сыну живется-можется в далеком и холодном городе. Одно дело – короткие разговоры через потрескивающую мембрану телефонной трубки, другое дело – увидеть, как живет ее сын, узнать, не ухлестывает ли он за какой-нибудь рыженькой красоткой.

Мама Култум приехала в традиционной одежде, в которой испокон веков ходили и ходят девушки и женщины аула Устарчи. Это длинное ниспадающее платье из тяжелой ткани, большой белый, вышитый золотом, платок «къаз», который покрывает и голову, и грудь и спину почти до подола платья. Зимой къаз дополняет большой шерстяной платок. Пальто и шуба для женщины в горах были лишними изысками.

Куда в Москве можно повести маму, приехавшую из далекого далека, особенно во время, когда там, в далеком далеке, дефицитным стало все – одежда, продукты, не говоря уже о какой-нибудь домашней технике? Конечно, по магазинам, по очередям. Часами Бахмуд с мамой стояли в очередях, где мама громогласно бранила все руководство нашей великой страны – от Ленина и Сталина, создавших ее такую несуразную, до Горбачева, который ее энергично разрушал. Непривычным внешним видом, громкой незнакомой речью мама, естественно, привлекала внимание окружающих. Бахмуд пытался перевести разговор на другие темы, на погоду дома, на здоровье отца, на дела старшего брата, но мама опять и опять возвращалась к политике.

Полдня проторчав в очередях в ГУМе, Гаджи и мама Култум вышли на Красную площадь. Маме понравился своей игрушечной многоцветностью Собор Василия Блаженного и строгой серьезностью кремлевские башни. Ее удивила очередь в Мавзолей, начинающаяся издалека со стороны Александровского сада. В еще одной очереди Гаджи стоять не хотел.

– Мама, мы потеряем еще уйму времени на стояние в этой очереди, – взмолился Бахмуд.

Они подошли вплотную к ограждению, за которым медленно длинной змеей-колонной шириной в четыре человека продвигалась очередь.

– Бахмуд, а куда они все идут? Почему они все туда рвутся? Там на самом деле Ленин лежит? А почему его не хоронят? – Мама не преминула

добавить несколько слов, из которых следовало, что правильно не хоронят вождя мировой революции, потому что земля его не примет.

- Мама, тише, люди оглядываются!
- А что тише? Я что, неправа? Ты что, мамы своей стесняешься?

Из-за ограждения, отделявшего очередь в Мавзолей от Красной площади, их оклинули:

- Вы почему отстаете? Перебирайтесь сюда! Ваша делегация уже входит в Мавзолей. Молодой экскурсовод указал маме не несколько женщин в сари, семенящих впереди.
- Мама, пойдем, заходим, сказал Бахмуд не успевшей ничего понять Култум, и они вошли в здание.

Во всех бедах, происшедших и происходящих в стране, мама всегда винила одного человека – Ленина. Дома негромко – боясь реакции сельсовета и властей, во времена относительного благополучия, и уже вне дома и громко – во времена перестройки. И подойдя поближе к саркофагу, где недвижимо и торжественно возлежал вождь мирового пролетариата с закрытыми навечно глазами и восковым желтоватым лицом, мама начала громко браниться. У каждого народа есть свои особенные бранные слова и фразы, которым трудно найти аналог в другом языке. Култум вошла в раж, она всплескивала руками, ее голос гремел под сводами Мавзолея. Внимание всех, кто был в зале, было приковано к ней.

К Бахмуду и его маме подошел высокий молодой суховатый человек без особых примет.

- Что тут происходит? Почему она так кричит? строго обратился он к Бахмуду.
- Ей завтра уезжать домой, ответил Бахмуд.
 Вот она и причитает, прощается с Великим Лениным!

НОЯБРЬ 1999. НЕФТЯНАЯ ЛИХОРАДКА

В верхней части уникального аула Устарчи находится базарная площадь. И каждый четверг на базар с раннего утра, а то и с вечера среды для торговли на базаре съезжаются купцы из многих окрестных селений. Они везут сюда все, что нужно и не нужно мастерам и их семьям: бычков, овец, кур, ягоды, фрукты, овощи, масло, молоко, сыр, спальные гарнитуры, холлы, бытовую технику, обои, ткани, одежду, электротовары...

– всего и не перечислить. И в четверг с раннего утра в Устарчи невозможно ни въехать, ни выехать. Отметим, что в ауле Устарчи, единственном на весь Советский Союз, четверг всегда оставался выходным днем, к нему автоматом довешивалась пятница, а в субботу жители аула выходили все как один на работу.

Курбан жил рядом с базарной площадью в маленьком домике в самой верхней части гигантского многоэтажного муравейника, составляющего верхний аул Устарчи. Первый этаж домашняя мастерская и склад всякого барахла. Деревянная скрипучая лестница вела наверх, на жилой этаж, состоящий из маленькой кухни-прихожей и трех небольших, идущих одна за другой, комнат. Непременным атрибутом сего архитектурного сооружения был туалет - ласточкино гнездо на краю крутого склона. Конечно, Курбан, как и многие устарчане, строил новый отдельный большой дом на недавно выделенной властями земле, но он так привык к уютному дедовскому дому, что никак не хотел с ним расставаться. Каждый год Курбан ремонтировал то одну, то другую комнату, тратя на эти ремонты немалые деньги, и не решаясь снести старый дом и выстроить на его месте новый, более удобный для жизни.

В доме жизнь била ключом. Не было вечера, чтобы не зашли гости – родственники, одно-классники, друзья, кунаки из соседних селений. Может быть, это была одна из причин, почему Курбан не хотел переходить в новый дом на дальней окраине аула.

Была поздняя осень. Уже дважды снег выпадал и таял, снег сменялся дождем, дождь сменялся туманом и мелкой изморосью, затем наступали солнечные дни и непролазная грязь высыхала. Погода в наших горах на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря и на полторы тысячи километров южнее Москвы почему-то повторяла московскую. В Москве снег – в Устарчи снег. В Москве потеплело, у нас тоже жизнь налаживается. Единственное отличие - туманы. Непредсказуемые и неожиданные, они плотным ковром устилали горы и ущелья гораздо ниже аула Устарчи, а потом медленно поднимались вверх, обволакивая аул дом за домом, квартал за кварталом таинственным белым покрывалом. Затем туман, хотя, может быть, это были облака, поднимался к площади – его

клочья можно было хватать руками. Наконец он загустевал, и исчезали в белой дымке окрестные дома, и голоса проходящих аульчан слышались раньше, чем они выныривали из этой белизны.

В среду, ближе к вечеру, в люк, прикрывающий вход на жилой этаж, постучали и люк приподнялся.

- Курбан, салам алейкум! Ты дома?
- Дома, дома, заходите, отозвался Курбан.

В дом вошли два брата – Абдул и Руслан. Давние кунаки Курбана из соседнего села Уркачи, они часто бывали в ауле мастеров, где работали на стройках. Каждый выходец из аула Устарчи, независимо от того, где он живет – в Москве или в Ташкенте, считает своим долгом иметь дом в родном ауле, поэтому заказов на строительство хватало, и хорошие мастера были наперечет.

– Вы как раз вовремя, Муминат только ужин приготовила, садитесь за стол, – пригласил радушный хозяин.

Братья приехали, чтобы завтра, в базарный день, продать доставшуюся им по случаю овцу, которую Курбан помог им разместить в сарае.

К ужину неизвестно откуда появилась бутылка, и начался неспешный разговор – о том о сем, от урожаев до курса доллара, от цен на серебро до международной политики.

* * *

- Есть кто дома? раздался очень знакомый голос с лестницы.
- Конечно, есть, Алихан, заходи! отозвался Курбан, вышел в прихожую и поднял крышку люка, чтобы в него прошел его дядя известный и именитый мастер Алихан Расулов.

Алихан – народный художник России, лауреат всевозможных премий, славился своим талантом далеко за пределами Дагестана. Ему было уже далеко за 70 лет, но он сохранял и ясность ума, и прекрасную память. Он был очень интересным собеседником – историями, которые Алихан рассказывал, можно было заслушаться.

Две недели назад, проходя по аулу, старый Алихан встретил женщин, идущих к роднику. Три из них были с привычными маленькими кувшинами перед собой и большими за спиной, а четвертая – 75-летняя Бика, несла в руке канистру.

– Бика, что-то твой кувшин квадратным стал? Эта невинная шутка разнеслась по всему аулу

и послужила поводом для вспышки ревности 80-летнего мужа Бики Гаджимурада, который неделю после этой встречи не выпускал ее из дому.

- Знакомься, Алихан, это Абдул и Руслан, мои кунаки из Уркачи, на завтрашний базар приехали.
- Из Уркачи, говоришь? Алихан поднял поблекшие от возраста глаза и приложил ладонь к уху, как будто плохо слыша, хотя за ухом красовался новенький слуховой аппарат. – На базар говорите, приехали? А вы что, новость не слышали из вашего села?
 - Какую новость? встрепенулись братья.
- Весь ваш аул взбудоражен, все на ушах стоят, а вы не слышали? Не может быть!
- Да мы уже две недели дома не были, тут неподалеку работали, нам за работу этой овечкой заплатили, хотим завтра ее продать и домой ехать. Так что там произошло? Нам никто ничего не говорил, заволновался Абдул.
- Конечно, вам никто ничего не скажет! Потому что вы свою долю там захотите, другим меньше достанется, невозмутимо продолжал Алихан.
- Дядя Алихан, не мучайте, объясните, что там случилось? – взмолился Руслан.
- Вчера один ваш односельчанин колодец в самой нижней части селения копал. Выкопал на два метра вглубь, и снизу фонтан ударил такой, что с ног его сбил. А фонтан не простой нефть это! Сегодня все участки делят в нижней части, чтобы самим ее добывать и продавать подороже! Если нефть на твоем участке, ты можешь никого к нему не подпускать, ты знаешь это? Вы лучше поскорее поезжайте, забейте для себя места, покопайтесь, а вдруг на ваших участках тоже фонтаном нефть ударит. Есть мнение, что все ваше село на нефтяном озере стоит.

Братья переглянулись.

- Алихан, ты серьезно? вступил в разговор Курбан.
- Что может быть серьезнее, чем нефть? ответил Алихан и обратился к гостям Курбана: Если сможете, и для нас с Курбаном пару участков застолбите, мы вас в обиде не оставим.

Братья, не говоря ни слова, рванулись к выходу. Буквально через секунду раздался радостный рев мотора мотоцикла, умчавшего братьев в Уркачи.

* * *

За чаем и не только чаем, за разговорами и воспоминаниями Алихана, время шло незаметно. На огонек подтянулись еще двое аульчан, тоже больших любителей послушать интересного собеседника.

Часа через два вдалеке раздался рокот мотоцикла. Он звучал как-то по-другому, надсадно и гневно. Вдруг Алихан вспомнил о каком-то очень срочном и важном деле, начал собираться домой.

– Меня моя Аллиш ругает, когда я домой поздно прихожу. И по дому кое-что надо сделать, я обещал ей. Пойду, пожалуй.

Не успел Алихан встать с места, как нарастающий рев мотоцикла раздался совсем близко, а потом резко смолк. В комнату ввалились те же Абдул и Руслан, только перепачканные и донельзя злые.

- Курбан, кто это? сощурился Алихан, повидимому совершенно забыв, что его не так давно с ними знакомили.
 - Мои друзья, опешил Курбан.
 - А откуда они приехали такие чумазые?
- Из Уркачи, уже на автомате отвечал Курбан.
 - А зачем они туда ездили?
 - Нефть искали.
- И что, нашли?! спросил с неподдельным интересом Алихан, снова приложив ладонь к уху, за которым по-прежнему играл блеском новенький слуховой аппарат.

Магомед Ахмедов

Я не жалею звёздных слов, Когда пою свободе песню. И об Отчизне петь готов, Да только ей не интересно.

Народ её не уберёг. Душою горцы оскудели. Страна уходит из-под ног, Любой кусок её прострелен.

Убийцы времени в седле. Предателям слагают гимны. Стихи, живите! На земле Вам не за что сегодня гибнуть...

НЕБЕСНЫЙ ДАГЕСТАН

Как музыкой неба – её выше нет – Душа наполняется снова! Плывут облака кораблями, а вслед Моё устремляется слово,

Чтоб в море небесном на синей волне Спешить за мечтою без страха! Великое счастье даровано мне – Молитвою славить Аллаха!

За то, что к его заповедным местам Уйдём в свой черёд, словно песни, – Туда, где нас встретит другой Дагестан – Уже не земной, а небесный!

О, небо судьбы, для твоей глубины Любой из нас – вовсе не лишний. В одно только веровать люди должны, Что милостив будет Всевышний!

Что сладкая тяжесть отмеренных лет Отпустит тебя в поднебесье,

Осени дыханье

Что был милосердья и радости свет В делах твоих, мыслях и песнях.

Тогда ты увидишь другой Дагестан, Его неземные картины. На тверди небесной, я верую, там Герои его – как вершины!

Там грозный Шамиль Ахульго бережёт. Великий воитель, воскресни! Чтоб не забывал дагестанский народ Земной Дагестан и небесный!

Не злись, поэт, Не рви себя на части. Гляди, рассвет! Какое это счастье! Держи в узде Печаль. Грустить не надо! Восходит день – Какая это радость!

А, впрочем, нет — Грехи смывают слёзы. Так плачь, поэт! Наш мир на то и создан, Чтоб в нём, чисты, Вдруг прорастали строки Через пласты Свинцовые эпохи.

Снег за окном...
Открой, пока не поздно!
Наполни дом
Ты нежностью морозной!
Из чепухи
Рождаются открытья –
Поставь стихи
На коврик для молитвы.

И наяву
От этих слов высоких
Вновь оживут
Разорванные строки!
Свежи они,
Как снежный день наш новый.
Спешу за ним,
Словно за новым словом!

РАЗГОВОР

- Куда спешишь ты, быстрая вода,
 В ладонях горной солнечной реки?
 Бегу я к морю с ветром взапуски,
 Чтоб в горы не вернуться никогда!
- Куда спешишь ты, житель городской?
 Куда тебя ведёт лихой мотив?
 Спешу я к морю, и мои пути –
 За горною сбежавшею рекой!

ночной ветер

Зачем стучится он в моё окно? Что разбудить он в памяти стремится? Неужто счастье? Не сбылось оно – Вздыхает ветер о бескрылой птице.

Я эту ночь встречаю, как врага. И нет спасенья от душевной боли. Пути-дороги замела пурга, И я один, как будто в чистом поле,

Где ветер воет: «Жизнь прошла почти, И вся она – в конце или в начале Тобою обретённого пути – Заполнена такими вот ночами»...

Зачем стучится он в моё окно? Ночному ветру разве мало окон? А, впрочем, на душе давным-давно Царит печаль после борьбы жестокой.

Что делать, друг, когда кромешный мрак – Он в каждой вести и в любом совете? Земля, наверно, вертится не так, И потому ночной рождает ветер.

ВСАДНИКИ

Они ушли за перевалы лет Дорогами сражений и побед.

Не думая о том, что крестный путь Потомки повторят когда-нибудь.

И взмыленные кони навсегда Умчали смелых всадников туда,

Где вечною свободою живёт Дороги горной каждый поворот.

Эпоха гордых всадников ушла, Но имена остались и дела.

Как памяти и доблести огни – Бессмертный Ахульго и наш Гуниб.

Не ведая ни страха, ни преград, К ним всадники Истории летят!

Испытывая каждого из нас, Как прочно в сёдлах держимся сейчас,

Как мы спешим, в бессмертие гоня Поэзии крылатого коня.

...Одна беда – никак не обойти Фанерных всадников, что скачут впереди.

* * *

Довольно мне подножия горы, Чтобы представить всю большую гору. Увижу тесной улочки дворы – И весь аул доступен станет взору.

Мне в хрустале обычного ручья Волшебно отразится вся округа! Из одного цветка увижу я, Как радуга рождается над лугом.

Из малого – большое! Я в тропе Увижу магистраль иного века. Но не могу никак найти в толпе, Кого так не хватает, – человека.

* * *

Из сказок гор стихи берут истоки. А, может, волшебство наоборот, И потому народ сказаний строки На языке поэзии поёт.

О, чудо слов, которые всё те же, Но тайны в них рождаются опять! Жаль только, что в аулах наших реже Родную сказку стали вспоминать.

Она, как радуга для языка родного, Жар-птиц рождает, чтобы в холода Очаг зажгли они под отчим кровом, Который не погаснет никогда!

* * *

Язык младенцев знают родники, И молодость – в журчании реки. А море, знаю, говорит легко На языке почтенных стариков. И шепчет с небосклона лунный свет, Что вечного в подлунном мире нет.

ЗВЁЗДНАЯ ЭЛЕГИЯ

Моя холодная звезда, К тебе протягиваю руку: Как же постигнуть навсегда Мне одиночества науку?

Чтоб не испытывать в ночи Былой любви глухую жажду, Пока рассветные лучи Её не утолят однажды?

Звезда холодная моя, Ты светишь в окна виновато Тем женщинам, которым я Сказал «люблю» хоть раз когда-то.

Печально поднимая взгляд Туда, где ты в слезах застыла, Они, наверное, скорбят О том, что это в жизни было.

Моя холодная звезда, Ты прошлое менять не властна. Но плачет кто-то, что тогда Я говорил «люблю» не часто...

* * *

Скучал по снегу – и пришла зима! Мы чудеса придумываем сами: Вот на деревьях белая кайма Оборотилась снежными цветами!

Недолговечны снежные цветы, И потому шепчу я, как молитву: «Неизмерима сила красоты! Душа навстречу радости открыта!»

Остановись, благословенный миг! Замри, декабрь, у времени в потоке, Чтобы душой осеннею постиг Я жизни заповедные уроки.

Они, как счастье, вечны и просты, И каждый, словно мудрость, изначален. Живут на свете снежные цветы, Чтобы, растаяв, смыть мои печали.

* * *

Не Чёрной Речкой горная река – Поэзией высокой родника

Струится в душу, чтобы снова я Испил из поднебесного ручья.

Нет, Чёрной Речкой горная река Не станет! Только вижу сквозь века

Снег, где прервётся Пушкина полёт, И пулю, что в Махмуда попадёт...

* * *

Вновь ощущаю осени дыханье, И сердце беспокоится не зря: Пылает в нём костёр воспоминаний, И листья, словно звёзды, там горят.

Заветных троп к далёким перевалам Я ни на что б в судьбе не променял. Любви та осень много задолжала, И бродит одиноко без меня.

На перепутье – там, где выбирали, Никак не может выбрать и она Меж тропкой счастья и тропой печали. А на вершину верная – одна.

Вы осень, словно книгу, открывали?

ЗВЁЗДЫ И ЛЮДИ

А, может, Божий мир на то и создан, Чтобы на землю опускались звёзды,

Где суждено им в человечьем сердце Огнём неугасимым загореться?

Высокая мечта! Да только люди Смеются над мечтой об этом чуде.

Для звёздного огня у них, известно, В холодных душах не хватает места.

Разорены они, как будто гнёзда. И, бесприютны, улетают звёзды,

Обратно унося и быль, и небыль В покинутое на мгновенье небо.

* * *

Кто мне вернёт Аварское Койсу? Неужто в море унесли навеки Его заветных родников красу, Из той красы родившиеся реки?

Кто мне вернёт весенний первоцвет, Что на вершине радостно проснётся? И детства нескончаемый рассвет, И юности негаснущее солнце?

О, молодость, где же холмов твоих Зелёные ликующие склоны? Кто мне вернёт аул моей любви, Где были счастья росные законы? В затылок дышит осени зима – Теченья жизни верная примета, Где правят нераздельно свет и тьма, Где на мои вопросы нет ответа.

* * *

Пел о любви поэт, совсем не зная, Что же такое есть – любовь земная.

Жить без любви поэту надоело – Покинула душа навеки тело.

И плачет безутешно над могилой Та женщина, которая любила.

След на воде... Недолговечна память, Даже когда оставлен этот след слезами.

Но столь огромным было, видно, горе, Что слёзы скорби превратило в море.

А имя получило море это Не знавшего земной любви поэта.

Печальна повесть о судьбе бескрылой. Поэт и женщина, которая любила.

* * *

Ангелы-хранители мои – Дом отцовский и родные горы – В мире, утопающем в крови, Где стреляют в спину без разбору.

Мама на заветном берегу – О, Всевышний! – всех дорог основа. Смысл жизни верно берегут Дом отцовский и родное слово.

С ними мне и горе не беда, С колыбели их напев известен. Крылья – Дагестан и Гонода – У моей непобедимой песни!

> Переводы с аварского Юрия Щербакова

Жемилат Ибрагимова

Брак по просчету

Аминат и Асият возвращались домой, разочарованные тем, что увидели. Земельный участок по улице Маячной, который они ходили смотреть, стоил приемлемо, но ожиданий сестер не оправдал.

Полплана почти в три сотки тянулись кривой линией от уныло распахнутой ржавой калитки, занимавшей треть ширины участка до зубьев разваливающегося деревянного забора, за которым тянулась неприступная соседская стена из серого тесаного камня. Развалиться окончательно забору не давали кусты крыжовника и ежевики, разросшиеся вперемешку с лебедой и прочими сорняками, подпиравшими дряхлую изгородь. Так называемый огород, вернее то, что от него осталось, был осажден бесплодной земляникой и вездесущим айлантом, для жизнедеятельности которых не пропускающая солнечных лучей высоченная соседская стена и отсутствие хозяйских рук создавали идеальные условия. Из деревьев в погибающем огороде сохранилось покрытое редкой, но свежей и сочной листвой престарелое черешневое дерево; кое-где даже виднелись незрелые черешенки. Дерево росло у ступеней, ведущих ко двору – такому же темному и жалкому, как огород, но заваленному всяким старым хламом, напоминавшим свалку. Здесь можно было найти и обшарпанный диван, и цепи от разных велосипедов, и даже колесо трактора. Вход в жилище был с этого дворика, к которому от калитки вела узкая дорожка между боковой стеной дома и другим, не менее высоким, соседским забором.

Если с сорняками и со свалкой можно было как-то управиться, то с сыростью, проевшей пол и стены в доме, да и всю территорию участка, было сложнее. Сюда не доходили ни солнце, ни луна, ни свет маяка в конце улицы, который зажигался каждый вечер. Обещанный вид на море чаще сменялся видом и зву-

ком товарных составов, ежечасно с грохотом проносившихся по железной дороге где-то внизу под улицей Маячной.

Однако самой большой проблемой обладания участком был ветхий дом, занимавший треть площади участка, в котором невозможно было жить и который невозможно было разрушить, так как был он один на двух разных хозяев – с одной фасадной стеной, одной задней стеной и одной крышей из покрытого мхом и плесенью серого шифера. Ломать дом невозможно – другая его половина была категорически против этого, на что имела полное право. По ту сторону саманной хибарки с низкими балочными потолками и кривыми, выбеленными еще до революции известью стенами жила пенсионерка, которая со своей живучестью еще лет двадцать протянула бы, и которую вполне устраивал ее старый дом.

Раздосадованная очередной неудачей в поисках дешевого дома с землей, Аминат тяжело вздохнула и поделилась с младшей сестрой своим огорчением. Асият и Аминат почти не расставались с тех пор, как обе поселились на одной улице. Аминат жила на седьмом этаже панельного дома, а Асият на первом этаже двухэтажного строения из белого силикатного кирпича, некогда служившего зданием райкома партии и впоследствии переданного под жилье. Оба дома находились на одной площадке, в центре которой был небольшой двор, застроенный гаражами.

У Аминат было три сына, у Асият – три дочери. Асият могла не волноваться о будущем жилье для своих дочерей, ее тревожило только их замужество, а Аминат вот уже несколько лет беспокоилась об одном – сыновей необходимо было обеспечить жильем.

Старший сын Аминат нежданно-негаданно, втайне от родителей, женился пару лет назад. Свадьбу сыграли только в прошлом году, когда родители жениха пришли в себя от неожиданного факта, а невестка была уже на пятом месяце беременности. Тем не менее, они не могли упустить возможности заработать на торжестве.

Вероятность скорой женитьбы сыновей пугала Идриса и Аминат «квартирным вопросом», который встал бы сразу после свадьбы.

Много они не зарабатывали, но тратить на себя любили. Молодость супругов прошла, дети не без помощи близких родственников выросли, а за душой ничего особенного не было, кроме небольшой двушки не в лучшем районе города, в которой сами с тремя детьми всю жизнь и прожили.

Когда в первый раз сын заикнулся о женитьбе, Аминат с Идрисом дали понять ему, что незачем жениться до тех пор, пока не решит-

ся вопрос с квартирой. Учитывая положение родителей и не совсем активную их позицию в этом вопросе, сын не стал терять времени. Молодожены поселились у дедушки – в просторном частном доме. Иногда Аминат мысленно жалела сына и невестку, представляя, как им там живется у деда. Ведь ей самой после замужества пришлось провести в том доме вместе со свекром и свекровью несколько лет, и эти года она вспоминает чуть ли не с ужасом. Педантичность и консервативность свекра и свекрови не совмещались с небрежностью и легкомыслием Аминат. Тем не менее, ни сын, ни невестка не жаловались на стариков, так как причин на то у молодых не было.

Однако дом дедушки по традиции предназначался его младшему сыну, каковым Идрис не являлся. Пока наследник дома не вернулся на родину с севера, куда он поехал на заработки, Идрис обещал накопить денег и купить сыну квартиру. К счастью, брат Идриса полностью там обустроился и отказался возвращаться домой.

Одна гора с плеч Аминат удачно свалилась, но на очереди был второй ее сын – Шамиль, которому к тому времени уже стукнуло двадцать восемь лет. Аминат не торопилась бы и с его женитьбой, если бы не изрядно поднадоевшие ей слухи о связях Шамиля почти со всеми вдовами и разведенками района. Разумеется, жить в одной двушке с мужем, сыном-студен-

том и семьей другого сына было бы невозможно. Нанимать квартиру по нынешним временам - удовольствие не из дешевых, которое сам Шамиль вряд ли потянет. У Аминат зародилась мысль купить небольшой частный дом с участком себе, мужу и младшему сыну, а среднего оставить в своей нынешней квартире. На дом, пусть даже небольшой, нужны были деньги – отнюдь не малые. Чтобы собрать их, пришлось продать дачу, оставленную Ид-

рису отцом как компенсацию за покупку всего лишь двухкомнатной квартиры не в самом лучшем районе города, которую и разменятьто не на что. Затем ушли гараж и машина – не первой свежести рабочая «десятка» Идриса, которую он сумел выбить себе за «многолетний труд на благо общества» в качестве водителя директора местного радиовещания.

Таким образом, на руках у Аминат появилась кое-какая сумма, которой хватило бы на очень скромное жилье. Только вот запросы женщины не совпадали с возможностями – с наступлением весны Аминат занялась активными поисками небольшого дома с участком по приемлемой цене. Однако по приемлемым ценам предлагались неприемлемые варианты.

Обсуждавших по дороге домой все недостатки вот уже шестого по счету осмотренного дома сестер неожиданно окрикнул женский голос на родном им языке. Затем голос поздоровался. Женщины обернулись и увидели уже прямо перед собой свою односельчанку, знакомую им по селу с детства, но с которой

они лишь изредка встречались на свадьбах и прочих мероприятиях общих родственников.

- Саржанат! Здравствуй! Какими судьбами ты здесь оказалась? натянув дежурную улыбку, произнесла Асият.
- Вообще-то я здесь живу! И скоро 10 лет как, между прочим! А вот вас сюда каким ветром занесло? Куда собрались? спросила сельчанка.
- Да вот дом смотрели в конце улицы. Хотя, какой это дом? Хибара на свалке, – скривив лицо от впечатлений, ответила Аминат.

Дальше сестры в подробностях рассказали, для чего вообще ищут дом и с чем за это время приходилось сталкиваться.

– Аминат! Ты, значит, своего красавчика Шамиля женишь? Заходите в дом, есть серьезный разговор! – Саржанат была настроена как никогда серьезно.

Заведя гостей в дом, она принялась накрывать перед ними богатый стол с горячим обедом и осыпать обеих комплиментами. Смущенные необычайным гостеприимством, женщины не спешили лакомиться и предложили хозяйке дома перейти к тому самому разговору, на который и были приглашены.

- Девочки! Это судьба, что мы сегодня встретились! - выпучив горящие от волнения глаза, Саржанат начала свой серьезный разговор. - По соседству с нами живет одна старушка - баба Катя - во-о-о-н ее дом стоит на участке почти в семь соток. Так вот, она серьезно больна и вот-вот отправится к предкам. Моя старшая дочка Арина ухаживает за ней, и сейчас она там, у бабы Кати. Старушка ее обожает настолько, что завещала ей свой дом! Представляете, каким счастливчиком будет тот, кто женится на моей Арине? У меня дочь и без такого роскошного приданого красавица, умница - выпускница пединститута! Не хотелось бы ее куда попало отдавать. Ваш Шамиль – отличная партия. Надо срочно познакомить детей!

Женщины опешили от неожиданного и странного предложения – настолько, что ни одна из них не смогла в ответ ни единого слова вымолвить. Их отвлек скрип входной двери, в которую вошла смуглая носатая девушка с маленькими желтовато-зелеными глазами и широченной чуть ли не от уха до

уха улыбкой, наполненной, казалось, сотнями мелких зубов. Одновременно подумавшие об одном и том же Аминат и Асият в панике переглянулись. В глазах каждой из них читалось разочарование и желание скорее покинуть дом. Однако голос хозяйки заставил их передумать:

Моя младшая дочь – Зарина! Это вторая мамина гордость и красавица!

Аминат и Асият немного успокоились и из любопытства – насколько же прекрасна «первая мамина гордость» – решили дождаться старшей дочери Саржанат – Арины.

Проговорив за чаем еще около часу, женщины собрались было уходить, как в ту же самую входную дверь вошла невеста с приданым. Это была высокая девушка лет двадцати пяти с выразительным лошадиным лицом и пронзительным взглядом темно-карих глаз, расположенных настолько близко друг к другу, что издалека они могли показаться единым глазом, учитывая сросшиеся брови. Волосы, окрашенные в рыжий цвет, были собраны в высокий конский хвост и еще больше подчеркивали вытянутость лица девушки. Тем не менее, Арина была гораздо приятнее младшей сестры. Дружелюбно улыбаясь, обнажая десны и выпирающие из них редкие, но ровные зубы, она смогла вызвать у гостей хоть какоето расположение.

Справившись у девушки о ее делах, Аминат и Асият покинули дом. Не пройдя и ста метров, Асият тут же произнесла:

– Нет, ну как тебе это? Я же сначала ушам своим поверить не могла! До чего докатилась?! Ну и мамаша! Дочь свою пихает первым встретившимся! Да еще какую? «Красавицу!» Небось и ума столько же, сколько «красоты»! Хотя, зачем им все это, когда у мамаши во-о-о-т такенный язык!

Казалось, женщина впала в такую ярость, что почти задыхалась. В то же время из ее уст беспрерывным потоком шли фразы за фразами, предложения за предложениями. Тут Аминат, не выдержав, перебила сестру:

- Остановись, Ася! Что в том такого? Лично мне предложение Саржанат показалось весьма заманчивым.
- Заманчивым? Правда? Ты не шутишь?пуще прежнего возмутилась Асият. Ты

действительно считаешь, что Шамиль захочет жениться на этой ишачьей морде?

- Он возьмет ту, на кого я укажу. Не беспокойся о моем сыне.
- Да-а-а, сестра, ты меня удивляешь! Беспокоиться о любимом племяннике я, конечно, имею право, но против его матери не пойдешь. Делай, что хочешь. Отныне я тебе не советчик.

Асият разочарованно произнесла эти слова и тут же мысленно представила, как красивый и статный Шамиль идет под руку с довольной и улыбающейся во весь свой редкозубый рот Ариной, а сзади со свадебным букетом, прыгая от радости и не закрывая рта, над которым топором торчит гигантский нос, несется ее младшая сестра. Мрачные фантазии женщины перебил голос сестры:

- Да ладно тебе! Я же пошутила! Совсем я дура что ли, сына «замуж» в эту семейку отдавать? Да я с этой Саржанат не то что в родстве, будь моя воля, в одном городе жить не стала бы!
- Уф... Я уже бог весть что подумала и напридумывала. Представила себе их свадьбу и дальнейшую жизнь даже, как Шамиль Арине тапочки носит.

Весело смеясь и все больше уже в шутку представляя себе, каково придется Шамилю, если тот женится на дочери Саржанат, сестры дошли до своего двора. Обе уже простились и собрались разойтись по домам, как вдруг навстречу вышла Сияна – родственница мужа Аминат.

- Ох, Аминат! Как хорошо, что я тебя встретила! А то уже уходила, так ни до кого из вас не достучавшись! сказала Сияна и только потом поздоровалась, вручив небольшой пакет с гостинцами своей родственнице.
- Извини, дорогая, что ждать заставила! По делам выходили с Асей! Идрис тоже уже вторые сутки на рыбалке с друзьями. Пойдем зайдем чаю выпьем, протянула Аминат, свободной ладонью указывая Сияне на подъезд своей сестры.

Асият с показной радостью также пригласила гостью своей сестры к себе домой. Она делала это не в первый раз. Гостеприимной и радушной хозяйке Асият было небезразлично мнение окружающих о ней, поэтому она боялась повести себя неправильно. Аминат же не было никакого дела ни до людей, ни до их мнения. Тем не менее, гостинцы и подарки она с радостью принимала и благодарила за них гостеприимным приемом сестры.

Усевшись на небольшой кухне у Асият за круглым столом у окна, женщины принялись за разговоры, которые по традиции начинались со сплетен. Любившие посплетничать Асият и Сияна, периодически перебивая друг друга, что-то рассказывали. Делавшая вид, что ей это интересно, Аминат сидела и слушала, изредка в такт разговорам кивая головой. Тут Сияна неожиданно заговорила о себе:

– Вы не слышали? Мой Русик же себе невесту нашел – на курс младше его учится – дочка проректора их института. Мы с мужем как об этом узнали, дом строить начали. Там, у ипподрома у нас участок небольшой, хотим два этажа поднять. Родители нашей девочки сказали, что обставят дом по высшему разряду! – откровенно хвастаясь, произнесла Сияна.

Готовая вот-вот лопнуть от зависти к Сияне, Аминат не выдержала разговоров о том, что ее сопляк уже женится, да к тому же не на какой-то там простушке, а на девушке с приданым и, сама от себя не ожидая, вымолвила:

 У моего Шамиля покруче все завертелось! Он себе невесту с домом нашел!

Шокированная словами сестры Асият, раскрыв рот, взглянула на нее.

- Да ты что? удивилась Сияна. А чего молчала? Я же уже думала, рассказывать про своего Русика или нет неудобно было. Думала, что расстроишься, о своем Шамиле вспомнишь! Я так рада! Чья хоть девочка?
- Наша, арцилинская. Саржанатки старшая дочь.
- Вая! Арина, что ли? Саржанаткин Ахмед и мой Магомед двоюродные братья, но они нам как родные, мы с их семьей очень близко общаемся! Вот это радость! Завтра же Саржанат поздравить пойду!

«Что же я наделала?» – пронеслось в голове у Аминат, но было уже поздно. С брачными делами у горцев не принято было шутить.

(Продолжение следует)

Афанасий Мамедов

Пока идет дождь

Эльмира-ханум проснулась с чувством, что чем-то обязана этому июньскому дню, занимавшемуся ради нее одной, набросила халат, подошла к выходящему на дачные сотки окну. Все принимало ее сегодня: и мелкие белые облачка, усеявшие ту часть небосвода, что высилась над сталью моря, и само море, и скрюченное, словно в позе йога, инжирное дерево, и бассейн за низкорослыми елями, ближе к забору из дикого камня, воротам, за которыми сейчас породисто рокотало заблаговременно вызванное такси.

Вскоре двухэтажный дом Зейналовых под «а на что ты еще надеялась?!» придверного колокольчика покинула светловолосая особа модельной внешности с легким колесным чемоданом, который везла так, словно тянула его из-под могильной плиты.

Едва тронулся желтый «Форд», унося по ухабам в прошлое блондинку в дурном расположении духа, как пошел меленький дождь, из разряда тех деликатных, что случаются порою в пригородах Баку, и которые хорошо бы не пропустить, если ты у себя на даче и уже решил жить вновь привычно отодвинувшимся вдаль будущим.

Блондинка, дерзнувшая испытать Эльмиру на прочность, не шла из ее головы с ранней весны, и теперь, когда наконец лопнул этот мыльный пузырь по имени Нина, она принялась вспоминать, как все начиналось, – «словно кто проклятье наслал».

- Это что за маринованная выдра? въехала она в мужа, поднося к его явно взволнованному лицу компьютер-планшет, дабы тот с другой точки обзора оценил фотосессию, которую она случайно обнаружила в его многопамятливой флешке с эмблемой фирмы, торгующей медицинской аппаратурой.
- Это моя сотрудница, ассистентка, славный человек, между нами ничего, бодро ответил муж, гендиректор и генератор идей той самой

фирмы, добавляя к обычному костюму новый галстук, появившийся в его гардеробе без ведома супруги.

– И над чем же вы трудитесь?

В этот момент их неподготовленные взгляды столкнулись, и жена поняла, что на такое расстояние, как сейчас, муж от нее еще не удалялся.

 Погоди, ты брал ее с собой в Москву на майскую выставку?

Чтобы развеять подозрения супруги, Зейналов развернул весь свой дар красноречия, пик которого пришелся на то место, где он популярно объяснял, что у него общего с Ниной в его профессиональной деятельности.

- Да мы с ней в Москве с «Сименсом» контракт заключали, пахали с утра до вечера, понимаешь?
- Понимаю, но жалеть не собираюсь. Эльмира-ханум хотела выйти и хлопнуть дверью, но тут неожиданно сработала пятипалая «хлопушка».

Муж проверил, не съехала ли дышащая жаром щека, и, найдя ее на привычном месте, улыбнулся глазами новоявленного холостяка под низко заросшим аристократической проседью лбом, после чего ушел из дому налегке в неизвестном направлении.

Реки текут в моря, а жизнь складывается в годы. Эльмира-ханум посоветовалась с многомудрой старшей сестрой и без особых усилий вернула успевшего поостыть скитальца в матрицу брачного существования: а то еще достанется вместе со всеми ее многолетними душевными и прочими затратами этой Нине, этой змее, обвивающей отнюдь не аптечную чашу.

Зейналова проявила себя женщиной «западного образца» и куда более современной, чем казалось господину Зейналову. Да что там мужу – родне, подругам, самой себе удивилась она, когда вместо того, чтобы поведать свою историю духовидице тете Сакине, к которой

приличные женщины из Баку едут, или пойти к психотерапевту (таковой имелся в больнице Нефтяников, в которую ее определили заботливые родители сразу же после окончания мединститута), Эльмира-ханум со второго щелчка нашла в интернете частного детектива, заменившего ей и соседку-ведунью, и «психотерапевта по-советски».

Уже через полторы недели она встретилась с бакинским Мегрэ в кафе маленького отеля, расположенного в Крепости неподалеку от стеклянной пирамиды метро – падчерицы парижской.

Эта женщина ведет двойную игру,
 поведал детектив, похожий на школьного учителя математики.
 Можно сказать, не отрываясь от производства.

Эльмира-ханум сделала большие глаза, какие были у немой актрисы Веры Холодной, но детектив не заметил этого, потому что она сидела в темных очках. Но даже если бы и заметил, все равно в немом кинематографе он слабо разбирался.

– Мальчишка-курьер успешно подменяет вашего благоверного. – Чтобы не быть голословным, детектив извлек из нагрудного кармана «яблочный» смартфон, протер экран чопорной салфеткой, настроил, протянул заказчице.

Надо было не снимать очки, но она сняла, чтобы лучше рассмотреть соперницу в деле.

На виске у госпожи Зейналовой после всего увиденного как бы через замочную скважину обозначилась пульсирующая бирюзовая веточка, которую неспешно перебежала капелька пота.

- Не стоит так волноваться, ханум. Все, что ни делается, к лучшему. По первому требованию могу распечатать фотографии или послать по электронной почте.
- Мне их не на стену вешать! немедленно отреагировала она на профессиональный энтузиазм педантичного следопыта.
- Мы прекращаем расследование или мы его продолжаем? несколько обиженно поинтересовался сыщик на вольных хлебах.

Она поймала себя на том, что ей сейчас почему-то стало жалко обманутого Зейналова, причем куда больше, чем себя, обманутую им.

- Курьер?..
- Да. Мальчишка на побегушках, которого Нина устроила в офис вашего мужа полгода назад...
- Замечательная гирлянда! Муж догадывается?..
- Полагаю, нет. Они ведут себя предельно осторожно. Молодые сейчас настолько циничны...
 - А мой муж настолько самовлюблен.
 - Вам не откажешь в здравом уме. Так что?..
- У вас много работы? Она вернула смартфон.
- Как во все времена. Видите ли, одни поднимаются на верхние этажи, другие... Закон природы.

Как хорошо, что сегодня она, похоже, вышла за рамки этого уложения.

- A как вы считаете, прекращать или продолжать?
- Это зависит от того, чего вы хотите. Развестись?..

Первым ее желанием было сказать «да», но так как «да» больше смахивало на «нет», она благоразумно дала обратный ход.

- Что ж, подведем итог проделанной работы.
- Мой муж в таких случаях говорит «подобьем бабки».
- Позвольте совет. Прошлое тяжелый багаж, не стоит без разбору носить все в рюкзаке.

Простите вы его или нет, не суть, вы – молодая красивая женщина, никогда не теряйте себя.

- До того, как стать детективом, вы, вероятно, работали психотерапевтом.
- Я начинал службу участковым в Кировском районе. Самым тяжелым было надевать форму по утрам. Всегда мечтал строить дома. Может быть, в следующей жизни повезет, буду архитектором. А фотографии я все-таки вам вышлю, так правильно будет.

Ханум расплатилась за себя и за детектива, решив попутно если не строить, то, по крайней мере, не рушить дома.

Вспоминая все это, Зейналова до восьми пролежала в постели с затуманенными, словно под воздействием мескалина, глазами, а потом хлопнула себя по шелковой ляжке: «Поживем – увидим», и пошла на кухню.

Кофеварка выдала пасторальное облачко пара, и с шипением пролились из фильтра первые капли душистого арабского кофе – в честь погребенной ею части прошлого. Той, от которой следовало отказаться, дабы никогда не терять себя.

Начало девятого. Муж улетел в Москву, дети спят: дачный ход времени. Скрипучий. Закругленный.

У нее больше часа на себя. Заранее зная, что это наслаждение достанется ей одной, она перешла на увитую виноградной лозой веранду с чашечкой дымящегося кофе и пачкой тонких сигарет.

Легкий ветерок овевал веранду, так что ей, когда она прикуривала сигарету, пришлось несколько раз закрыть пламя холеными руками потомственного анестезиолога. «Когда ветерок качает пламя, это как...» – мысль улетела к прочищающей горло горбатой вороне, венчавшей телеграфный столб.

Обычные воспоминания, возникающие непроизвольно, теперь отказывались ей подчиняться. Эльмира-ханум сосредоточилась, закрыла глаза. Она делала все, чтобы мысли текли сами собою, но что-то тормозилось в глубине ее существа вереницей неудачных попыток. Может, это из-за того, что она была сейчас не вполне одна: на стуле возлежала толстая кошка по кличке Мадам, наделенная небывалой способностью ориентироваться в параллельных мирах. Свое присутствие в этом мире Мадам

отрабатывала дремотой и той здоровой обездвиженностью, которой могут похвастаться только кошки.

– Мир дому твоему! – поприветствовал сквозь тихий дождик хозяйку небритый пожилой мужчина в мятой кепке с инструментами в руках.

Это Адыль, он будет чистить бассейн. Своим появлением он привнес ощущение будничного, однако ощущение чего-то необычного все еще теплилось в ней.

- Я не думала, что ты так рано придешь, сказала Зейналова.
- Если б я женился не на той, на которой женился, я бы сейчас спал.
- «Я бы тоже, подумала она, если бы не вышла замуж за этого кретина».
- Сакина ночью разбудила, говорит, сон какой-то видела. Инжирный. Прийти собиралась, поговорить... с тобой.
 - Чаю хотите, дядя Адыль?
- Спасибо, пойду лучше из бассейна воду сливать, деревья рядом, вода в иголках, фильтр совсем прохудился...
 - Раньше они до бассейна не доставали.
- Ты еще не родилась, когда я твоему отцу их сажать помогал.

Она хотела сказать что-то вроде того, что время идет, и поначалу, кажется, будто крадучись, а потом... Но старик уже повернулся спиной. Кто-кто, а он знал, как время течет и главное – куда.

Воспоминания вновь начали вихриться вокруг недопитой чашки кофе. Она оглянулась. Она сжалась тревожно. Ей самой не верилось теперь, что это она пригласила Нину сюда, на дачу в Пиршаги. Зейналов как был без тормозов, так без них и остался, взял да и привез ее. На что рассчитывал, на гарем, что ли: «Тоже мне, эмир Бухарский!»

На даче обе женщины улыбались друг другу искусно вылепленными улыбками. Какое-то новое чувство, в присутствии Зейналова, заставляло их погружаться вовнутрь себя и удерживаться от того, что могло бы случиться в этом гремучем дачном раскладе, из которого были изгнаны «старые добрые» семейные традиции. Стихийные порывы осторожно гасились не столько европейской светскостью, сколько простой восточно-бабьей благоразумностью.

Эта благоразумность с вечера пятницы по вечер воскресенья создала меж ними как бы новый «союз» – союз смеха на плахе, который не был обязан ничему предписанному в прошлом. Каждый из троих был напряжен своим желанием, и это чувство распространялось на всю дачу, включая детей и кошку.

Рано утром или под вечер они ходили с детьми купаться на море. Нина любила нырять, будто чего-то искала на дне, а когда всплывала, не найдя того, что искала, ее русалочьи волосы плавали вокруг нее. Выйдя на берег, она подолгу занималась ими. Скручивала, выжимала, протирала полотенцем... Ее белая кожа всегда была в мурашках. А потом она садилась поглаживать свои длинные славянские ноги и смотреть, как накатывают на берег волны. Зейналова следила за своей соперницей, точно ее заставляли в холодной постели зубрить учебник сердечной страсти, блюла дистанцию меж Ниной и детьми. Зейналов не находил себе места, метал гарпуны остроумия, правда, все мимо да мимо; нарезал вокруг обеих женщин круги, казался напуганным и потрясенным. Он уже не рад был, что привез Нину сюда, поэтому, как только ему сообщили из Москвы, что «Сименс», наконец, дал согласие на поставку аппаратов для аргоноплазменной коагуляции, тут же решил ехать. «У дураков вариантов всегда в избытке, - подумала Зейналова, - но из этого избытка они выбирают самый худший».

 Здравствуй, дочка, – голос с хрипотцой, напевностью, эхо апшеронского прошлого.

Это жена Адыля, Сакина-хала. Волевое, с отпечатком жизненного опыта лицо, темные, глубокие глаза, которых побаиваются почти все соседи ... Глаза, умеющие видеть то, что не умеют другие, и говорить без слов. Когда Сакина-хала не помогает людям на отдаленных перевалах их судеб, она помогает Зейналовой: убирает, готовит, гладит, иногда смотрит за детьми. Делает это не только ради денег, тут другое – Зейналову девчонкой еще помнит.

- Проходи, он возле бассейна, сказала Зейналова тихо, уже начиная чего-то бояться.
- Он мне не нужен. Мне дерево нужно, вон то...

Эльмира-ханум пожала плечами, потянулась к кофейной чашке, к новой сигарете. А Сакина-хала взяла совок, стоявший возле ведра у ступе-

нек, и, не разгибаясь, начала быстро копать под инжирным деревом.

После отъезда мужа, в полночь воскресенья, Эльмира-ханум подарила Нине сережки, сопроводив подарок канцелярским конвертом с фотографиями.

- Хочу, чтобы ты помнила меня.
- Буду хранить их, глупо и напыщенно пообещала Нина.
- А теперь слушай меня. Сегодня можешь не торопиться, ночь на дворе, но завтра ты навсегда оставишь нас в покое, поняла? Я закажу тебе такси на шесть утра. Вскрой конверт, и все поймешь.

Нина вскрыла конверт, глянула на фотографии и, оттолкнув Зейналову, убежала.

Все это было вчера, а кажется, что еще до революции.

Сакина-хала поднялась на веранду, положила перед Зейналовой узелок из носового платка и развернула его.

 На унижение твоей души сделали, на беды страшные.

Зейналова вскочила, леденея от ужаса. Сакина-хала позвала Адыля.

- Зачем пугаешь человека, разве не знаешь, что даже листок не упадет с дерева без соизволения Аллаха.
 - Надо прочесть «Аль-Фаляк» и «Ан-Нас».
 - «Надо». Пусть лучше к мулле сходит.

Попыхивая подмятой папиросой, со словами, что все на свете предопределено, дядя Адыль скомкал платок, унес, положил на камень возле виноградной лозы. Исчезнув в кладовой, он вернулся вскоре с пыльной бутылью бензина.

- На такие иголки и человечков из бусинок раньше мальчикам давали помочиться, поделился он далекими воспоминаниями. – Но огонь даже лучше. Все грехи принимает. А потом можно и земле предать. Она мягкая после дождя.
- Пепел от злого дела здесь не оставляй, скомандовала Сакина. Иди за забор вынеси, к мусорным ящикам.

Эльмира-ханум смотрела на огонь, на черный после дождя камень и думала: «Когда вот так на камне горит огонь, он говорит: «Время обращает в прах все, что возникло во времени», – и тем самым снимает любую боль, любое унижение души».

Сулиман Мусаев

Baxug

Иван оказался водителем-асом. Кроме того, он, видимо, знал в этом районе все закоулки, что, впрочем, неудивительно — ведь он жил рядом. «Хаммер» несся — нет, летел — меж домами, обгоняя все машины и едва не задевая встречные. Когда он резко затормозил у очередного светофора, я не выдержал и взмолился:

– Иван, к черту «Джокер»! Давай найдем какой-нибудь бар, только поближе.

Иван бросил на меня взгляд:

- Без проблем! Что, плохо себя чувствуешь? Я потер виски:
- Не то слово! Ужасно болит голова!

Он сбросил скорость, задумался на какое-то время и повернул налево:

– О'кей! Было тут когда-то одно приличное заведение, попробуем найти.

Скоро мы остановились между серыми коробками пятиэтажек.

– Вылезай, приехали.

Перед ларьком спиной к нам стояла молодая женщина в красной куртке и черных джинсах, рядом с ней девочка пяти-шести лет терпеливо ждала, пока мать уложит покупки – бутылки с колой и минералкой и печенье – в пакет. На девочке была смешная желтая шапочка. Я вдруг почувствовал острую тоску по дому, жене с дочерью, по своему привычному, уютному миру, из которого меня вытащила злая воля взбалмошного редактора, помешанного на мистике, сперва отправившего меня в эту дурацкую командировку, потом вдруг неизвестно почему потребовавшего, чтобы я на всех парах мчался обратно. В ту минуту я готов был растерзать и своего шефа, падкого до абсурдных сенсаций, и словоохотливого картографа, одержимого бредовыми идеями, не говоря уже о кретине, стукнувшем меня по моей пустой тыкве и не побрезговавшем даже паспортом и мобильником. Я уже жалел, что не попросил своего нового знакомого довезти меня до Питера и там, плюнув на все эти казино-клубы и махнув на все рукой – пропади оно пропадом! – не завалился спать, приняв сто граммов «Особой» ... Но Иван уже уверенно шагал к пятиэтажке, левый угол первого этажа которой занимал бар. «Надо попросить у него телефон и позвонить домой», – решил я и, глубоко вздохнув – закружилась вдруг голова, поплелся следом.

Мы поднялись по грязным ступенькам и нырнули в двери, над которыми висела слегка покосившаяся вывеска – «Сирены».

В просторном и неожиданно чистом помещении были всего три человека, которые сидели за отдельными столиками, уныло уставившись в свои рюмки. Один из них скользнул по нам безразличным взглядом и отвернулся. Мы прошли в дальний угол зала и сели за круглый стол. Голова трещала. Легкий полумрак и негромкая музыка действовали умиротворяюще.

Подошла молодая опрятная девушка в белом переднике:

- Добрый день! Что будете заказывать?
- Здравствуйте. Иван взял у нее меню и вопросительно посмотрел на меня: – Что будешь пить?
- A, махнул я, бери, что хочешь. Впрочем, мне водочки и какой-нибудь салатик.

Официантка ушла, покачивая бедрами. Иван посмотрел вокруг, вздохнул и произнес с некоторой грустью:

– Да-а. Давненько я здесь не был.

Через пару минут принесли заказ. Иван налил водки и поднял свою рюмку:

– Ну, Антон, брат по несчастью, пусть все наши неприятности останутся позади!

Мы выпили, и скоро ноющая боль в затылке несколько отпустила меня. После второй стопки я вспомнил:

- Извини, Иван, а можно воспользоваться твоим мобильником? Звякнул бы жене. Или твой тоже гопнули?
- Конечно, можно, что за вопрос?! Из внутреннего кармана пиджака он достал «Nokia».
 У меня было две трубки, одну увели, вторую, к счастью, я оставил дома.

Надо сказать, я плохо запоминаю числа, но хорошо помню три номера телефона: свой, жены и редактора. На всякий случай первым я набрал свой номер. Гудки, а потом голос: «Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия...» Ясно, симку выкинули. Ни на что другое я, конечно, и не надеялся. Звонить редактору у меня пока не было никакого желания: пытаться объяснить ему, почему я до сих пор в Москве, слушать его недовольное ворчание – зачем мне это? Я набрал следующую комбинацию цифр и поднес телефон к уху, уже приготовившись ответить на «Алло! Кто это?», произнесенное голосом жены - номер-то ведь не мой. Вместо этого трубка неожиданно ответила мелодично-равнодушным женским голосом: «Набран несуществующий номер...» Опешив, я несколько секунд продолжал тупо смотреть на сине-розовую нимфу на стене, на которой в ожидании разговора сфокусировал взгляд. «Наверное, ошибся в какой-нибудь цифре», – решил я и вновь – на этот раз внимательно, не спеша – набрал номер жены. «Набран несуществ...» Я быстро нажал на красную кнопку и положил телефон на стол. Голова пошла кругом. Не может же быть, чтобы ее номер за... Я попытался вспомнить, когда звонил ей последний раз... Я вздохнул и, вымученно улыбнувшись, посмотрел на Ивана. Ну и здорово же меня стукнули, раз забыл номер собственной жены!

- Что, не берет? участливо спросил Иван.
- Нет... Выключен... Наверное, батарейка села...
- Ничего, позже позвонишь, расслабься. Давай еще по одной.
 - Давай, я не узнавал собственный голос.

Я залпом опорожнил свою рюмку, Иван же пил мелкими глотками, словно смакуя водку.

Прошла минута. Я сосредоточенно жевал салат, словно от того, хорошо его переварит желудок или нет, зависела моя жизнь.

- Паспорт твой тоже стибрили? спросил вдруг Иван.
- Что?.. от неожиданности я даже вздрогнул. Да...
- Все забрали? пытаясь зацепить вилкой гриб, равнодушно спросил он, метнув в мою сторону быстрый взгляд. Слишком равнодушно спросил.
 - Да... И паспорт, и деньги, и удостоверение...

- Вот собаки!

Иван задумчиво ковырял в зубах. Мы посидели еще какое-то время, затем он предложил:

- Поехали ко мне.

Запасшись в ближайшем ларьке выпивкой и закуской, мы сели в машину.

До Ивана доехали быстро. Жил он в двухкомнатной квартире на шестом этаже. Видимо, хозяин больше значения придавал внешнему эффекту – дорогой костюм, французские духи, роскошный «хаммер», – чем условиям быта: обстановка в квартире была, мягко говоря, скромной, хотя, надо признать, квартира производила довольно приятное впечатление – чистенькая, уютная. Словно угадав мои мысли, он произнес:

– Я не живу тут. Так, наведываюсь, когда хочется оттянуться или отдохнуть.

Он снял костюм, повесил его в шкаф и, пройдя на кухню, зазвенел содержимым пакетов, бросив мне:

– Ванная – прямо по коридору и налево. Санузел совмещенный.

От маслин меня мутило, и я поспешил в туалет. Долго умывался холодной водой. Вытер лицо и руки одноразовыми полотенцами и провел рукой по волосам. Затем достал из кармана карту Багрова, развернул ее и стал внимательно разглядывать. Внутренний голос подсказывал мне, что ее следует тут же скомкать и выбросить в урну, но что-то вдруг удержало меня. Я заметил в ней одну странность, на которую раньше не обратил внимания: в верхнем правом углу, уже за городскими окраинами, было что-то настолько необычное, что вряд ли можно было объяснить одной лишь нерадивостью студента. Синие линии рек внезапно обрывались, болота резко переходили в довольно высокие холмы, а западный берег одного из озер был идеально прямым. Все эти странности происходили на двух соединяющихся в одной точке прямых, горизонтальной и вертикальной. То есть создавалось впечатление, что кто-то вырезал квадратик размером примерно в одну тридцатую от этого листа из другой карты и вклеил ее в верхний правый угол копии. Я даже провел по краям «соединения» пальцами: нет, никаких вклеек не было, все эти несуразицы были нанесены на один ватман. Я поднес карту к глазам: на «вклейке» над излучиной одной из рек, у малюсенькой – едва разглядишь – точки была мелкая надпись, которая притянула мой взгляд: «Чальмны Варэ». Что за бред? Какие, к черту, Чальмны?

Я схватился за голову. Почему это название кажется мне знакомым?! Где я мог его слышать?

Послышались шаги. Я поспешно свернул карту в маленький пакетик и, засунув его в мусорную корзину, вернулся в комнату.

Стол уже был накрыт. Мы выпили. Разговаривать не хотелось. Напиться и забыться хоть на какое-то время.

Я достал снимок, сделанный в травмпункте, и стал вновь его рассматривать. Пятно притягивало, словно магнит.

Да не бери в голову, мало ли что они наболтают!
 произнес Иван.
 Поещь.

Только я открыл рот, собираясь что-то ответить, как в голове зашумело, все поплыло перед глазами. Последнее, что я увидел, это исказившееся лицо Ивана, бросившегося ко мне.

Вода была холодной, вязкой и густой, словно вата. Я беспомощно барахтался в ней, отчаянно пытаясь ухватиться за край лодки. Надо мной на фоне хмурого, неприветливого неба высокий молодой человек пытался подать мне весло, чтобы я мог ухватиться, но получалось у него это так неуклюже, что каждый раз весло било меня по голове. Собрав остатки сил и набрав в легкие побольше воздуха, я обреченно крикнул:

Володька-а-а!...

Я лежал на диване все еще во власти ужаса, не в силах поверить, что это не надо мной только что сомкнулись студеные воды. Лицо было мокрым. Я провел по нему рукой — это были слезы. В комнате полумрак. За окном ночь. Я огляделся, пытаясь понять, где нахожусь. Доносились голоса. Узнав один из них, я вспомнил все: задание редактора, командировка в Москву, картограф, удар по голове, травмпункт...

- Иван, ты меня хорошо знаешь, я никогда не занимался криминалом, доносился из кухни чейто голос. У меня был бизнес. И был брат, Ваха. И мы никогда и никому не платили дани. Наши с тобой пути не раз пересекались, ты знаешь, что я говорю правду. Когда началась вторая война в Чечне и на меня насели и прокуратура, и братки, я попытался свернуть свой бизнес, чтобы перебраться в Польшу, у меня были кое-какие каналы. Но у меня почти все отобрали. Ладно бы успокоились на этом, но они еще убили моего единственного брата! Голос говорившего задрожал от гнева.
- Сочувствую тебе. Я помню Ваху, произнес Иван.

- Ты мне сочувствуешь? Сочувствуешь, да? Тогда помоги мне найти заказчика, Иван! Я знаю, у тебя есть связи, ты можешь мне помочь! Даю слово, что ни одна живая душа не узнает об этом! Ты знаешь, мое слово крепко! Я заплачу тебе!
 - Мне не нужно денег. Достань мне карту.
- Я же позвонил тебе, когда от Багрова вышел журналист.
- Я примчался так быстро, как только мог.
 Успел в последнюю минуту журналюга садился уже в автобус. Поехал за ним. Потом он сошел, и какой-то хмырь треснул его по башне.
 Кто знал, что этот урод позарится на карту?
 - При журналисте не было?
- Нет. Я познакомился с ним, привез к себе, усыпил и пошарил по карманам. Чисто.
- A не Пашка ли ее взял? задумчиво произнес собеседник Ивана.
 - Какой Пашка?
- Да есть один тип. Он тоже у Шерстобитова. Когда я в надежде узнать что-нибудь про убийц брата устроился к банкиру, Пашка уже был там. Теперь мы напарники. Странный тип. Никак не могу понять, что у него на уме.

Зазвонил телефон.

– Да, Вагиф, – донеслось из кухни. – XIa, Ахьмад, хьо ву и!

Дальше незнакомец продолжил на каком-то гортанном языке.

– Слушай, Вахид, – заговорил Иван, когда телефонный разговор закончился, – что хотел спросить тебя: а почему Вагиф? Да еще Степанов?

Вагиф-Вахид расхохотался:

– Ну, Иван, ты же знаешь, в данное время мне в Москве лучше не светиться. А почему Степанов Вагиф... – он выдержал небольшую паузу. – Степанов Павел и Мамедов Вагиф, азербайджанец, были моими партнерами по бизнесу. Их тоже убили. Павла вместе с Вахой, Вагифа через день. Милиция убийц не нашла, да она и не искала их. Так что мой псевдоним чисто символичен, я отомщу убийцам за всех троих!

Очень хотелось пить. Я встал, решив сходить в ванную, и, осторожно ступая, направился к выходу, но задел нечаянно стул, который с грохотом упал. Шум, несомненно, услышали. И я, поставив стул на место, направился на кухню. За столом, уронив голову на сцепленные на столе руки, сидел Иван. Вахида не было.

Кредит на любые цели

- г. Махачкала, пр-т Р.Гамзатова, 93, тел: 8 (8722) 67-57-20
- г. Махачкала, пр-т И. Шамиля, 40 "д", тел: 8 (8722) 55-09-69

Всю информацию об условиях предоставления продуктов ОАО "Россельхозбанк" вы можете получить по телефону 8 800 200-02-90, на официальном сайте www.rshb.ru и в офисах ОАО "Россельхозбанк". Генеральная лицензия Банка России № 3349 (бессрочная). Реклама

Звонок по России бесплатный

8 800 200-02-90 | www.rshb.ru

